

Никс — мастер жанра: его миры проработаны до мелочей
и ни с чем не сравнимы.

Сара Дж. Маас

ГАРТ
НИКС

АНГЕЛ- МАТ

Гарт Никс
Ангел-Маг

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Никс Г.

Ангел-Маг / Г. Никс — «Азбука-Аттикус», 2019

ISBN 978-5-389-19061-0

Лилиат с детства изумляла мастеров-иконотворцев своими необыкновенными умениями: она без труда вызывала самых могущественных ангелов, и те всегда прислушивались к ее просьбам. С годами сила девушки только росла, в родной Истаре от нее ожидали великих деяний. Но внезапно разразившаяся эпидемия и нашествие чудовищ-зверолюдов вынудили Лилиат бежать в соседнее королевство. Она укрылась в саркофаге Святой Маргариты и больше чем на век погрузилась в волшебный сон. Поколения сменялись, на престол восходили новые правители, однако Лилиат оставалась прежней – и однажды пробудилась ото сна такой же молодой и прекрасной. Теперь девушке во что бы то ни стало нужно вернуться в родные края, ведь только она знает причину загадочной эпидемии и может оживить некогда процветавшее королевство. Но это ли ее истинная цель? Невольными участниками опасного путешествия становятся четверо молодых людей: Симеон, студент-медик, Анри, секретарь кардинала, Агнес, будущий мушкетер королевы, и Доротея, иконотворец и знаток ангельской магии. Они странным образом связаны друг с другом, но не знают почему. Ответы на все их вопросы найдутся в обезлюдевших землях Истары...

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-19061-0

© Никс Г., 2019

© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

От автора	10
Иерархия ангелов	11
Пролог	12
Часть I. Лилиат	15
1	15
2	22
3	29
Часть II. Четверо	36
4	36
5	43
6	53
7	58
8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Гарт Никс Ангел-Маг

Garth Nix
Angel Mage

Text copyright © 2019 by Garth Nix
Maps copyright © 2019 by Garth Nix

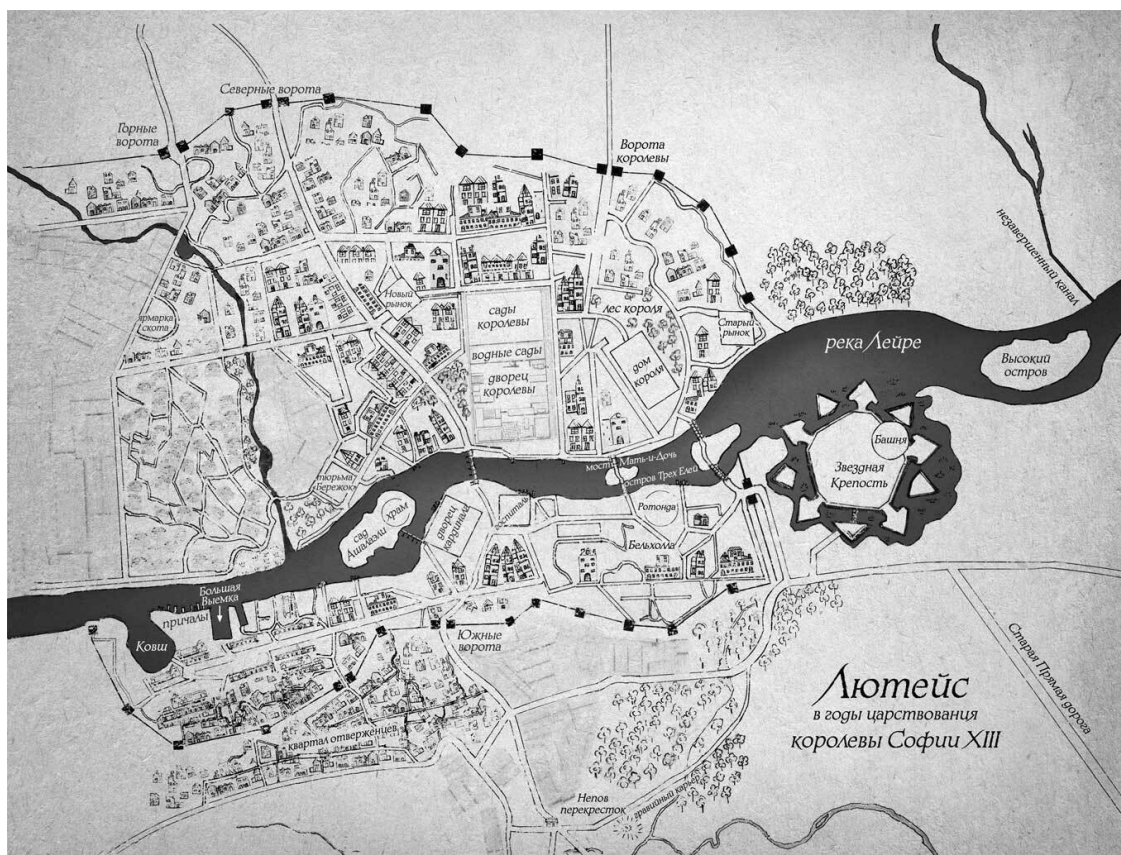
© М. В. Семёнова, перевод, 2020

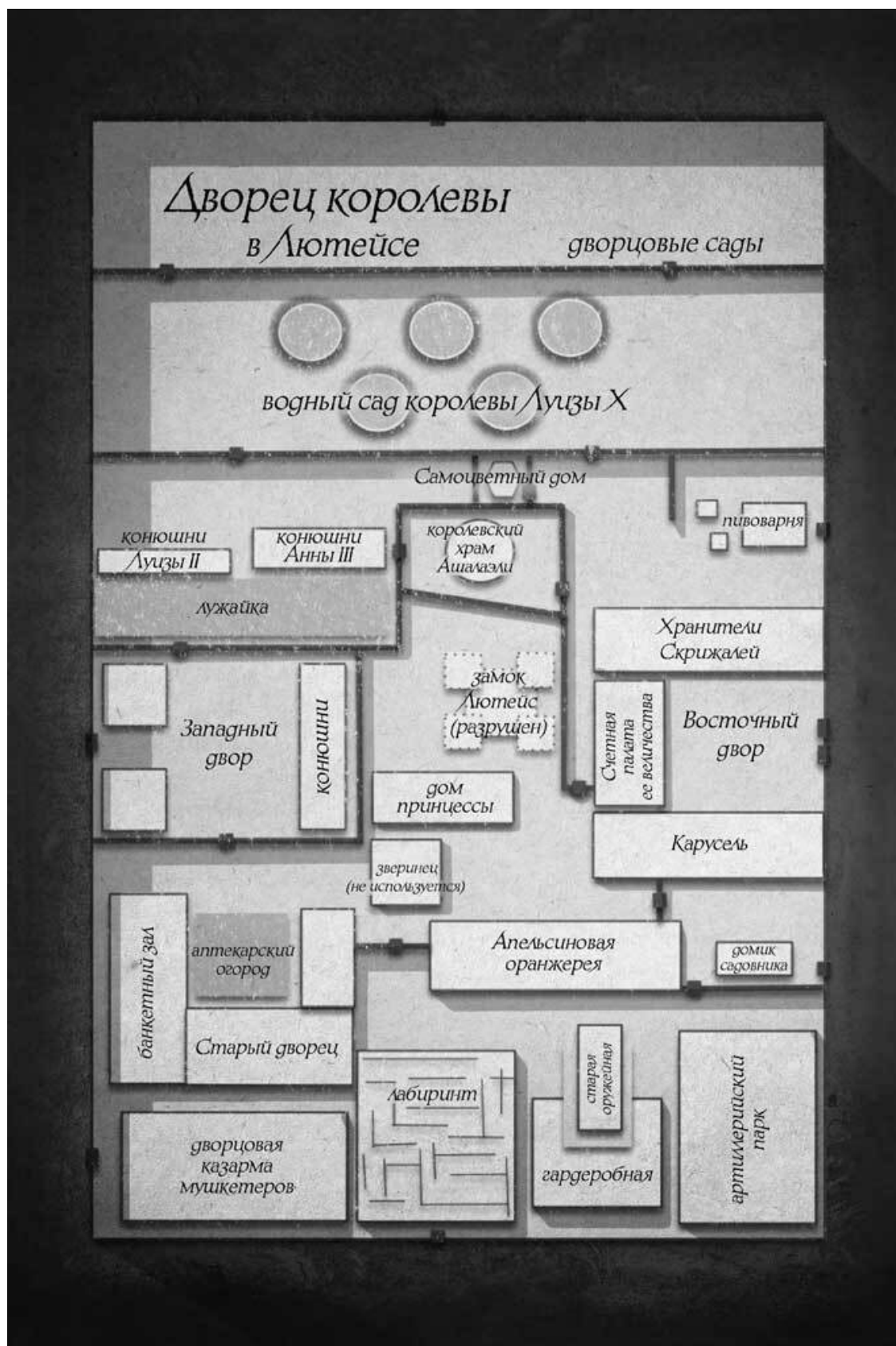
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

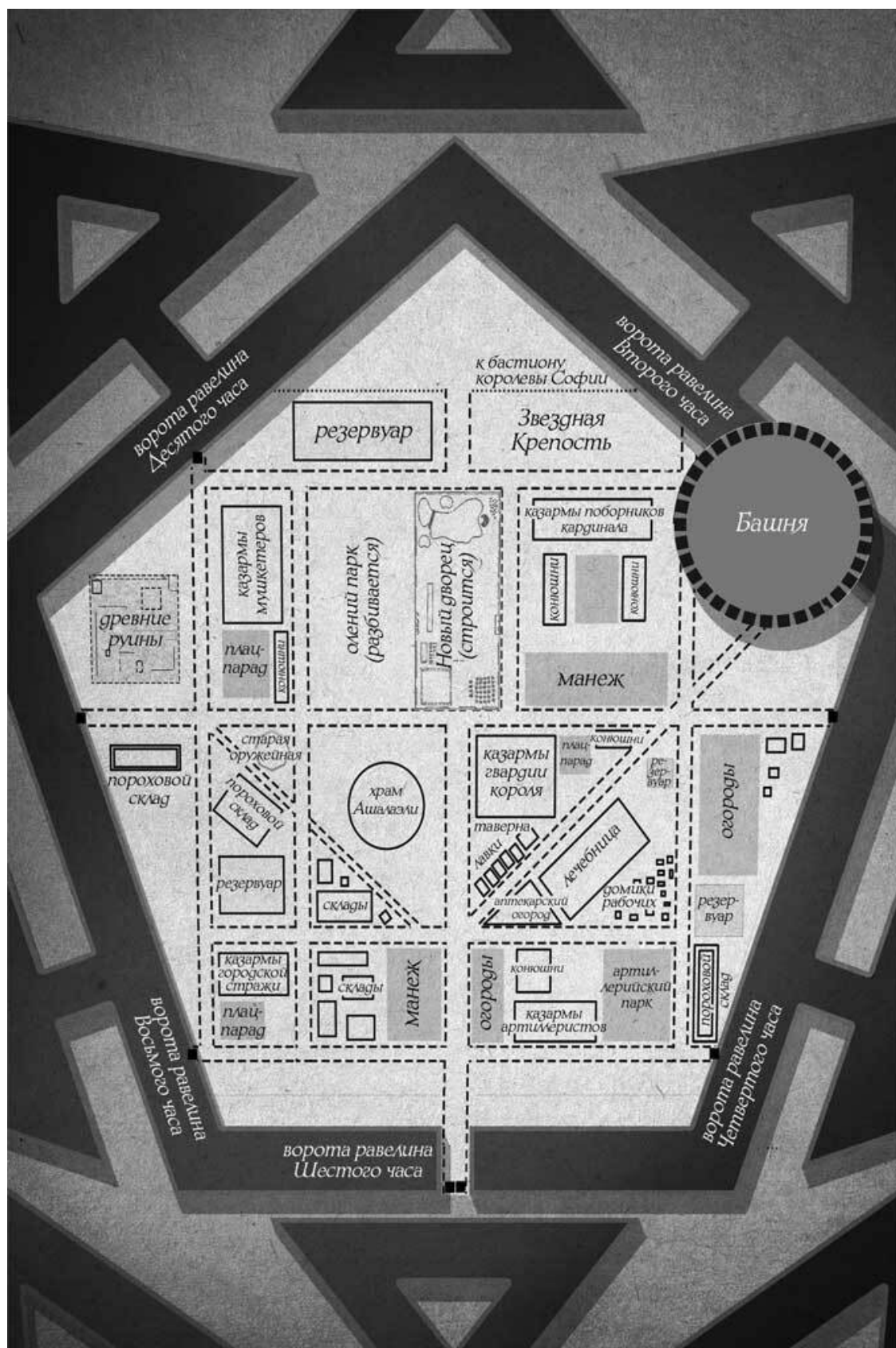
Издательство АЗБУКА®

* * *

Эта книга со всем почтением посвящается Александру Дюма, а также Ричарду Лестеру (режиссеру), Джорджу МакДональду Фрэзеру (сценаристу), всем артистам и команде создателей фильмов «Три мушкетера» (1973) и «Четыре мушкетера» (1974) и, конечно, как всегда, Анне, Томасу, Эдварду и всей моей семье и друзьям

От автора

Дорогой читатель!

«Ангел-Маг», как и все, что я написал, – книга, которую мне хотелось бы прочесть самому. На сей раз мне хотелось почитать нечто, близкое по ощущению к одной из моих любимейших книг (а равно и экранизаций), но отнюдь не являющееся беспомощной имитацией!

О какой книге речь? О «Трех мушкетерах» Александра Дюма. И о моих любимейших ее киноверсиях, а это «Три мушкетера» и «Четыре мушкетера», поставленные Ричардом Лестером.

При этом писать что-то напрямую историческое я не хотел, не желая, как уже было сказано, впасть в подражание Дюма (и провалиться при этом), а кроме того, есть во мне некая жилка, требующая введения фантастического элемента. Поэтому, вслед за Дюма вдохновляясь мушкетерами, интригами и четверкой неразлучных друзей, я добавил ко всему этому...

Ангелов.

А с ними – ангельские чудеса, иконы, служащие для вызова ангелов, иконотворчество... и, соответственно, целый новый пласт магии со всем его могуществом и подводными камнями.

В своем мире я установил равноправие полов, потому что так тому следует быть; а значит, встречайте женщин-мушкетерш, кардиналыш – и не только. А поскольку мне нравятся костюмы, оружие и архитектура семнадцатого века, в книге будут плащи с капюшонами, красные сапоги с каблуками и пистолеты с серебряной насечкой. И конечно, дворцы, крепости и таинственные подземелья с заколдованными статуями, не говоря уже о фехтовальных поединках посреди грозы с градом... а также масках, историях соблазнения и сокровищах, запертых в железные сундуки!

Но что толку говорить о книге, когда можно взять ее и прочесть? Итак, читатель, хватайте широкополую шляпу, плотнее запахивайте плащ, шпагу в руки – и вперед, в ночь, навстречу приключениям, которые я вам предлагаю!

После чего, надеюсь, вы и другим порекомендуете «Ангела-Мага», ибо только так книги выходят в настоящую жизнь.

Гарт Никс

Сидней, 28 ноября 2018 года

Иерархия ангелов

Серафимы
Херувимы
Престолы
Владычества
Добродетели
Силы
Князья
Архангелы

Пролог

– Ваше преосвященство, нас осталось только одиннадцать, – сказала молодая стражница. Она устало опиралась на меч, от рукояти до острия покрытый серой спекшейся золой. – Полагаю, нам даже этой башни надолго не удержать...

– Одиннадцать? – переспросила кардинал Элсишерон, выглядевшая не на свои семьдесят, а гораздо древнее. Она сидела на подоконнике огромного стрельчатого окна, обращенного к югу, просто потому, что наверху колокольни сидеть было больше не на чем; почти все место занимал огромный колокол святого Дезидерия. Сейчас бронзовая громада молчала. Бить в набат не имело смысла, да и звонарей уже не осталось.

Каменная плита холодила, и Элсишерон подвернула длинный подол алого одеяния, соорудив что-то вроде подушечки. Она сидела в одном тапочке, коротко стриженную голову впервые за много лет не покрывали ни митра, ни шапочка – лишь тонкий седой пух, казавшийся еще белее на фоне глубокой черноты кожи. Когда твари неожиданно прорвались наверх через подвалы и крипты, кардиналу пришлось поспешно вскакивать с импровизированного ложа, устроенного в большом зале, и бежать, что называется, в чем была.

– Я не слышу нового приступа...

– Зольнокровные получили Омартена, – ответила стражница, употребив название, недавно приставшее к монстрам.

Девушка даже не принадлежала к домочадцам кардинала. Всего два дня назад она была самым что ни есть зеленым рекрутом в королевской гвардии. Когда твари захватили дворец, она вместе с выжившими ушла по реке к собору. Тот, бывший некогда крепостью, сулил зыбкую надежду на спасение. – Мы отдали им его тело...

– Этого делать не следовало, – ответила кардинал. – Мы уже убедились, что после смерти трансформации не происходит.

– Решили не рисковать, – прошептала стражница.

Она вдруг подалась вперед, карие глаза настороженно распахнулись, усталости как не бывало. Кардиналу она казалась совсем девочкой. Слишком юной, чтобы носить стальной шлем, кирасу и пистолеты за некогда голубым поясом, ныне сплошь серым от зольной крови чудовищ.

– Ваше преосвященство... как думаете, пора?

– Пора для чего, дитя мое?

– Вызвать Паллениэля! – Голос звучал напряженно, она больше не опиралась на меч, держа его наготове. – Он-то точно может навести тут порядок!

Кардинал медленно покачала головой, оглядывая с высоты город Каденц, насколько позволяла густая и низкая туча черного дыма. Пожары полыхали во множестве – поваров и пекарей зольнокровные убили у горящих печей, и унять огонь стало некому. Вот пламя и перекидывалось с дома на дом. Живых людей в городе не осталось, а монстры тушить пожары явно не собирались. Более того, один из главнейших поджогов был, по-видимому, совершен человеком – вероятно, отчаянным офицером городской стражи – в попытке удержать чудовищ на северном берегу. Где ему было знать, что те представляли собой не армию вторжения, а бывших людей. Оттого и возникали, трансформируясь, самым непредсказуемым образом.

– Магистр Торран оставила предсмертное сообщение, – сказала наконец кардинал. – Еще живые жертвы становятся монстрами под влиянием ангельской магии. Когда это бедствие лишь разразилось, слишком много магов и священников взывало к своим ангелам об исцелении либо в попытке спастись... Я сама видела, как это происходило, да и ты тоже, наверное... прости, дитя, я забыла, как тебя звать?

– Илгрэн, ваше преосвященство. Я просто к тому, что, даже если младшим ангелам не удалось что-то исправить, Паллениэль-то наверняка...

Но архиепископ лишь резче качнула головой.

– Я далеко не сразу поняла природу происходящего, Илгрэн, – сказала она. – Быть может, услышав об этих трех вещах, ты окажешься сообразительней...

Она подняла руку и стала загибать тонкие, иссушенные возрастом пальцы. Все они были отягощены иконными кольцами, иные – двумя или тремя. Каждое кольцо соответствовало ангелу, к которому могла воззвать кардинал. А лик самого могущественного хранила тяжелая икона, изваянная в золоте, которая висела на шее, удерживаемая ожерельем из S-образных серебряных позолоченных звеньев.

– Вот первое. По моему слову Эсперавиэль летала в Баррону и Тариль и далее, к началу перешейка. Она подтверждает, что эпидемия зольнокровия не выходит за границы Истары. Ни на единый ярд! Более того, ей и самой не удалось пересечь границу...

– Я не слишком сведуща в магии, ваше преосвященство, – слегка покраснела Илгрэн. Места в королевской гвардии она удостоилась не за фехтовальное искусство, не за изощренную магию – лишь в силу того, что ее тетушка служила там лейтенантом. – Я ничего не знаю об Эсперавиэль. Кто она в ангельской иерархии?

– Она из Князей и служит Паллениэлю, ведая небесами Истары, – пояснила кардинал. – По ее словам, границы замкнуты соседствующими Архангелами. На севере это Ашалаэль из Саранса, на юге – Турикишан из Менорко.

– Они что, собрались напасть на нас? Но зачем, это же...

– Нет, дитя. Это не нападение... по крайней мере, извне. Они просто замкнули границы для всех небесных созданий. Все наши границы... Слушай же! Вот второе. Эсперавиэль говорит, что видела Деву Элланды, переходившую границу в Сарансе с множеством верных. Третье же...

Старая священница умолкла, лишь тяжело вздохнула. Уронила руку на колени и вновь подняла, схватилась костлявой пятерней за левую руку Илгрэн и с видимым трудом поднималась.

– Третье же – я воззвала к Паллениэлю еще *в самый первый день*, как только у короля кровь потекла золой... Паллениэль отозвался, но не пожелал выполнить просьбу. Лишь сказал, что и над ним есть власть.

– Что?! Но это же... это... как так? Вы ведь кардинал! Архиепископ Истары! Икону носите!..

– А Паллениэль – Архангел Истары. Вот только икона моя, древняя икона святого Дезидерия, ныне тускла и безжизненна... Разве ты не заметила? Будь в ней прежняя сила, икона Ксеррениэля на твоём племе звенела бы и трепетала, в такой-то близости... Я почувствовала, как коснеет икона, когда Паллениэль отступил от меня. Тогда я и спросила себя: что за силы могли наслать зольнокровие на наш несчастный народ? Что за силы могли исказить вмешательство младших ангелов таким образом, что вместо исцеления и защиты, о которых молили, случилось рождение звероловдов? Кто из сущих в Истаре мог сотворить подобное?..

– Может быть, чужие Архангелы...

– Нет, – сказала кардинал. – Здесь, в пределах Истары, Паллениэль в своем праве. Я думаю, соседствующие Архангелы лишь защищают свои земные владения от зольнокровия и чудовищ, которые оно порождает. Я даже чувствую – они посягают на нечто большее, идет борьба в небесах, борьба против Паллениэля... ибо эта эпидемия и монстры – его, Паллениэля, рук дело. Но, как всегда, ни один ангел не может посетить наш мир и вмешаться в течение событий, кроме как по зову или повелению смертного. Вот и сошлись кусочки головоломки, дитя. Кто обладает искусством и могуществом, достаточным для сотворения *новой* иконы, вызывающей самого Паллениэля? У кого хватит силы и наглости, чтобы, сотворив икону, вызвать Архангела и поручить подобное дело?

Илгрэн покачала головой и нахмурилась, недоверчиво кривя губы.

– Полагаю, – проговорила она наконец, – это может быть разве что Дева Элланды. Но зачем бы ей... такое? Зачем губить королевство? Всех нас убивать?

– Вряд ли она в самом деле такого хотела, – сказала кардинал. – Другое дело, что всякому, кто берется иметь дело с ангелами, необходима особая осторожность. Чем выше могущество, тем страшнее возможность ненамеренного ущерба... Нам следовало сообразить, к чему может привести ее талант создавать иконы и призывать ангелов... Я сказала – талант? Гений, конечно же. Однако она была... она так юна! В девятнадцать слишком рано становиться магистром или епископом. Постигать учение, тревожить высшие ангельские порядки... Впрочем, она определенно не нуждалась ни в обучении, ни в дозволении...

– Я ее разок видела. Издалека. И заметила в ее глазах особый блеск... безумный, – медленно проговорила Илгрэн. Она смотрела не на кардинала – вдаль, на объятый пламенем город. – В тот день Дева пришла со своими верными к королю, чтобы просить грамоту для основания собственного храма. Храма Паллениэля Достославного... что бы это ни значило.

Илгрэн говорила рассеянно, пытаясь переварить только что услышанное от кардинала. По сути, это значило, что на спасение рассчитывать не приходится. Если очень повезет, она доживет до рассвета... но, скорее всего, не повезет. Внизу полно монстров. Когда-то собор являлся крепостью, но с тех пор минуло больше века. На колокольне не имелось ни воды, ни съестного... а ворота внизу дышат на ладан. Пожалуй, крупным чудищам и таран не понадобится. Стоит им лишь как следует захотеть сломать непрочные створки...

– Быть может, нам следовало выдать ей грамоту, – вслух размышляла священница. – Впрочем, не думаю, что она в самом деле безумна. Скорее целеустремленная до одержимости. Мне жаль ее...

– Лилиат? Вам жаль *Лилиат*, ваше преосвященство?... Если ваши подозрения верны, значит она умудрилась как-то совратить Паллениэля и она в ответе за все! Это она напустила на нас эпидемию зольнокровия! Она моих родителей погубила, а брата с сестрой монстрами сделала! Явись она здесь, я бы ее сейчас же убила и только порадовалась! Лишь бы меч да пуля справились с тем, во что она превратилась!..

– Что ж, полагаю, добрая сталь или пуля способны ее прикончить, пусть и с трудом... примерно как зверюродов, – отозвалась кардинал. – Вот только, если она впрямь держит Паллениэля на коротком поводке, шанс пустить в ход пистолет или меч тебе может и не представиться... Она наверняка и другими ангелами повелевает, притом во множестве, какое нам и не снилось... И все равно мне жаль ее, потому что, как я уже говорила, вряд ли она хотела чего-то подобного. Столь юная, столь невероятно одаренная и в то же время столь неразумная... Как все сплетено! Впору задуматься: чего же она в действительности хотела? Быть может...

Договорить ей не пришлось. Первый из монстров, взобравшихся по древней, растрескавшейся каменной кладке, перевалился через парапет колокольной башни и обрушился прямо на спину кардиналу, повалив ее на пол. Острые когти разорвали горло старой священницы...

Илгрэн убила чудовище ударом меча и оставила клинок торчать в проткнутой пасти, а сама упала. В самом буквальном смысле. Стражница нырнула под обод исполинского колокола, чтобы броситься вниз, в пустоту башни. В последний миг ее настигло одно из чудищ. Тварь лязгала слюнявой пастью, тянула жуткие скрюченные пятерни... У Илгрэн торчал за поясом заряженный пистолет, но выстрел так и не прозвучал, потому что тварь смотрела на нее глазами Жанет. Милыми зелеными глазами младшей сестренки...

Илгрэн прыгнула вниз, даже не попытавшись схватиться за веревку. Летя навстречу смерти, она всей силой разума сосредоточилась на эфемерной надежде, подаренной взглядом знакомых глаз.

Если есть хотя бы ничтожный шанс, что для монстра возможно снова стать человеком...

Часть I. Лилиат

1

Молодая женщина проснулась в полной темноте. Она лежала на холодном камне. Обшарив пространство рядом с собой, женщина обнаружила по сторонам и наверху точно такой же камень. Она пережила мгновение паники... но ужас отступил, едва она вспомнила, почему так случилось, а потом и вовсе исчез, когда она услышала голос.

Голос дышал силой и властью; она сразу почувствовала полноту бытия, почувствовала себя *живой*. Она находилась не в узилище, а в объятиях, в полной безопасности. И обнимали ее не простые смертные руки, а могучие крылья, исполненные мощи и света.

– По твоему давнему слову свершилось ожидаемое, и вот я пробуждаю тебя.

– Но как?..

Ее собственный голос надломился и сорвался. Она сглотнула. Слюна растеклась во рту и в горле впервые за... почем знать, за сколь долгое время.

Она знала, что ее бесконечно удерживали на самом краю небытия. Заглянувший внутрь могилы признал бы ее несомненно мертвой, хотя удивительная сохранность плоти любого наблюдателя ввергла бы в изумление. Однако шанс на то, что кто-либо из зевак окажется поблизости от ее гроба, оставался невелик – она позаботилась об этом, выбирая себе место упокоения: каменный саркофаг, покрытый тяжелой мраморной плитой и запечатанный свинцом.

Ей хотелось спросить, долго ли она пролежала в могиле, но этот вопрос мог подождать. Она думала лишь о том, что имело значение для ее великого плана.

– Сколько подходящих кандидатов готово?

Последовало долгое молчание. Достаточно долгое, чтобы она заподозрила – присутствие оставило ее. Однако голос прозвучал снова:

– Четверо.

– Четверо? Их должны быть многие сотни...

– Четверо, – повторил голос.

На краткое время она задохнулась от гнева. Может ли случиться, что ее планы – ее предназначение – снова обратятся прахом? Женщина сумела усмирить ярость. Пускай она и надеялась на множество возможных кандидатов, чтобы не бояться ошибок и неудач... ей вполне хватит и четверых. Да что там, даже и одного.

– Где они?

– В Сарансе, в четырех разных местах, но они встретятся. Уже скоро.

– А орден? По-прежнему существует? Ты явил им знамения, предвещающие мое пробуждение?

– Я показал знаки. Мне неизвестно, выжил ли кто-нибудь, способный узреть, и были ли ими предприняты какие-то действия. Как ты знаешь, я не в полной силе, мне мощно противятся... и лишь твоя воля привязывает меня к этому миру. Я почти желаю совершенно развеяться...

– Ты сделаешь, как я прикажу.

Она говорила настойчиво, повелительно, голос полнился природной силой и предельно собранной волей.

– Я повинуюсь. Я твой безраздельно. Я умолкаю, мой...

И голос смолк. На сей раз окончательно. Она знала: беседа не продолжится, больше не будет ни тепла, ни ощущения безопасности и любви. Не теперь. В уголках ее глаз зароди-

лись слезы, но женщина яростно сморгнула непрошеную влагу. Нет времени плакать. Ныне и впредь!

– Я люблю тебя, – прошептала она и почувствовала облегчение, как бы вернувшись к себе, к той, какой она когда-то была. Голос обрел силу, порождая эхо внутри каменного саркофага. – Я всегда буду тебя любить. Мы будем вместе. *Мы будем вместе!*

Она ощупала свои руки. Кожа по-прежнему обладала мягкостью и бархатистой гладкостью, свойственными юности. А что еще важнее – кольца оказались на месте. Она по очереди коснулась их, ощутив в каждом легкое движение силы, и наконец выбрала последнее из девяти. Кольцо сидело на большом пальце левой руки. Сделанное из древнего электрума, оно включало овальную вставочку из слоновой кости с резным изображением человеческого лица, почти скрытого тонкими оперенными крыльями. Лицо было выполнено краской, а может, эмалью, глаза представляли собой крохотные рубины. Нимб над полускрытым лицом выглядел тонюсеньким волоском золота.

– Мазратиэль, – прошептала похороненная. – Мазратиэль, Мазратиэль, явись, ибо я нуждаюсь в тебе!

Кольцо засветилось холодным лунным светом, только поярче. Молодая женщина зажмурилась, спасая глаза, и почувствовала присутствие младшего ангела. С ним пришло ощущение тепла, но это было всего лишь желанное тепло кухонного очага в зимний день... ничего общего со всеобъемлющим чувством, что она испытывала, говоря с *ним*. Одновременно воздух всколыхнулся, словно кто-то рядом складывал крылья, и как бы издалека долетел звук одинокой струны арфы.

– Мазратиэль пред тобой, – раздался шепот, предназначенный лишь для ее слуха. – Повелевай. Все, что в моей власти, – исполню...

Женщина так же шепотом отдала приказ, и Мазратиэль исполнил все в точности.

Брату Дельфону всегда прежде нравилась успокаивающая прохлада Могилы Святой, расположенной в самой глубокой крипте под храмом. Зимой в этом месте бывало по-настоящему холодно, но ему не поручали бдений там в зимнее время после достижения им шестидесятилетнего возраста. С тех пор прошло более десятилетия; как и все причастные к ангельской магии, он был старше своих лет. Те из последователей святой Маргариты, кто не отличался крепостью и силой, бдели у Могилы лишь в разгар теплого лета. Правду сказать, Дельфона следовало бы освободить от столь тягостного послушания, но инок проявил настойчивость и упорство. Он уступил своим наставникам лишь в том, что согласился брать с собой подушку и одеяло, а также пользоваться деревянной скамейкой в углу – эта скамья предназначалась для усталых паломников, допускавшихся к Могиле в престольные праздники.

...Он ссутулился, пребывая в полусне. Оттого и заметил, что его одиночество нарушено, лишь через несколько мгновений. Над ним стояла одна из сестер. Стояла, не без насмешки поглядывая на пожилого монаха, словно раздумывая, как с ним поступить.

Совсем молодая сестра... В облачении, подобно его собственному окрашенном в черное и белое – цвета последователей Архангела Ашалаэли. Вот только ширина белых полос на отворотах рукавов и на подоле выглядела какой-то неправильной. И даже чернота ткани странно вато смотрелась в отсветах Дельфонова фонаря. До него медленно дошло, что черное, пожалуй, было вовсе не черным, а скорей темно-темно-синим. И вышитый золотом знак на груди являл пару семичастных архангельских крыл. Вот только крылья Ашалаэли всегда изображали в серебре. А здесь их еще и венчала корона о девяти острых зубцах. Притом сочетанная не с кардинальской митрой, а с нимбом.

Другое дело, что зрением брат Дельфон уже не мог похвалиться, как и слухом. Подводила и память. Поэтому он не стал ломать голову по поводу эмблемы. Равно как и гадать, почему не может узнать эту рослую сестру, выглядящую аристократкой. Одно не подлежало сомне-

нию: она смотрелась удивительно молодой, не более восемнадцати-девятнадцати лет; должно быть, совсем недавно приняла постриг. Правда, держалась она скорее как заезжий епископ или аббат. Брат Дельфон посмотрел на ее руки, смуглые, оттенка ореховой скорлупы, и даже кивнул, заметив на пальцах множество колец. Вставочки были одни из слоновой кости, овальные, прямоугольные, раскрашенные, позолоченные, другие – из бронзы в золоченой резьбе. Все – иконы ангельской магии. Правда, брат Дельфон не взялся бы тотчас назвать, какое кольцо какого ангела вызывало, каким могуществом повелевало.

– Простите, ваше преподобие, – сказал он. – Я не заметил, как вы вошли.

Ее лицо казалось смутно знакомым. Юное, прекрасное, с темными глазами и ореховой кожей... а волосы – черные, прямо как та пластинка редкого нефрита, в которой он некогда вырезал икону Каразакиэля. Сестра смотрела сурово. Нет, она положительно кого-то напоминала, но вот кого?..

– А я и не хотела, чтобы ты заметил меня, – сказала странная посетительница и протянула правую руку. Брат Дельфон принял ее, чтобы коснуться губами воздуха в нескольких дюймах от пальцев. При этом его старческие глаза пытались сосредоточиться на лице ангела, мастерски изображенного на пластинке слоновой кости, которая крепилась в самом значительном, необычайно могущественном перстне. Ни самого лица, ни стиля мастера опознать не удалось, и это поистине удивляло, поскольку брат Дельфон сам являлся выдающимся иконотворцем. Он изучал иконы всю свою жизнь. Нарисовал тысячи ангелов. В свою лучшую пору он обладал способностью населять свои изделия силой целых девяти ангелов. Притом крайне полезных, хотя не особенно высокоранговых.

Теперь ему с таким множеством было не справиться, но три младших ангела по-прежнему отзывались, посылая толику своей мощи в его иконы, и он скреплял их дары своей собственной кровью...

– Я... я что-то не узнаю вашего знака... вашего ордена, – пробормотал Дельфон, выпуская руку епископессы и указывая дрожащим пальцем на ее одеяние.

– В самом деле? – рассмеялась юная женщина. Ее глаза мерцали восторгом пополам с озорством. – Это же символ Паллениэля Достославного!

Дельфон отшатнулся, не в силах поверить услышанному.

– Паллениэля Достославного, – возвысив голос, повторила женщина. Казалось, ей доставляло удовольствие произнесение имени, с некоторых пор ставшего неназываемым. Его даже вычеркнули из памяти – все, кроме Дельфона и его собратьев, посвятивших жизни исчислению и постижению ангельских существ. А еще его детство прошло близ границы Истары – пропащей страны, чьим Архангелом был некогда Паллениэль.

– Паллениэль!.. Но его больше нет, он покинул сей мир, изгнанный другими Архангелами...

– Однако перед тобой его архиепископ: ты видишь ее своими глазами. Знай же: не все, что тебе говорили, истина.

Дельфон нахмурился, хотел что-то сказать... и тут заметил у нее за спиной кое-что, чего не увидел поначалу. И слова замерли у него на языке, ибо Могила Святой – круглое сводчатое помещение с доминантой в виде огромного каменного саркофага посередине – преобразилась.

Мраморную, опечатанную свинцом крышку что-то сдвинуло в сторону. Весила она многие тонны; чтобы перекрыть саркофаг, некогда потребовались запредельные усилия инженеров, знавших все о подпорах, блоках и рычагах. Или умевших привлекать самых могущественных ангелов...

От женщины не укрылось, куда направлен его полный потрясения взгляд.

– Ты выглядишь смущенным, брат. Уверяю тебя, святая Маргарита не возражала против моего подселения в ее крипту. Более того: прокравшись вовнутрь, я ничего там не обнаружила. Видимо, основатели вашего ордена не совсем правдиво описывали предысторию этого места...

– Но как... что...

Лилиат подседа к старику на скамейку и обняла его за плечи. Напрягшись, он попробовал отстраниться, но она с легкостью удержала его. Ее сила пугала. Брат Дельфон тотчас решил более не противиться, лишь отвернулся.

– Ну, ну, не бойся... Я хочу спросить кое о чем весьма важном... по крайней мере для меня, ведь, я полагаю, времени прошло очень немало.

– О чем же?..

– Я долго отсутствовала, – сказала Лилиат. – Я это предвидела, но сколько-нибудь точный промежуток времени угадать не могу. Давно ли случилась Погибель Истары?

– Тому больше ста лет, – прошептал Дельфон. – Сто тридцать... шесть... нет, сто тридцать лет.

– А я как будто ночь проспала, – больше себе под нос пробормотала Лилиат. – Как же долго, оказывается...

Некоторое время она молчала, лишь тонкие пальцы ласкали одно из колец. Дельфон сидел подле нее, дрожа, точно в самую студеную из минувших зим. В какой-то момент ему послышался легкий трепет крыл ангела, вызванного кем-то другим, но уверенности не было. Голова болела, а в ушах стоял глухой шум...

– Итак, ты – Дельфон, – сказала Лилиат, взяв его пальцами за подбородок и поворачивая к себе лицом. Монаха затрясло сильнее, поскольку своего имени он ей не говорил.

Вблизи она выглядела еще моложе... и Дельфон внезапно вспомнил, где видел ее лицо – или его подобие – раньше. На последней странице одной из его книг об иконотворцах разных веков было рукописное примечание и набросок при нем. Так вот, тот набросок изображал именно ее. Лилиат, Деву Элланды. Женщину, что вывела единственную сплоченную группу беженцев из обреченной Истары. Вывела – и вскоре по прибытии в Саранс скончалась при таинственных обстоятельствах.

Если верить приписке в дюжину строк, Лилиат была совершенно невероятной юницей. Еще ребенком она изумляла мир способностью творить иконы и с их помощью приводить в мир ангелов, за что и получила, притом весьма рано, прозвание Девы Элланды. Впоследствии это имя обрело несколько ироничное звучание: по слухам, она была любовницей истарского короля... и не только его. Хотя наверняка никто не мог это утверждать.

Еще примечание ставило под сомнение упорный слух о том, что будто бы Лилиат обладала уникальным свойством избегать платы за пользование ангельским могуществом. Дело в том, что любое обращение к ангелам что-то отнимало у мага, забирало часть жизненной субстанции. Оттого маги и священники очень быстро старели. Притом тем быстрее, чем чаще они вызывали ангелов – и чем выше в иерархии те ангелы стояли.

Великий Хандуран измерил эти потери в своей «Цене добродетели». Несколько часов, отрезанных от жизни вызовом серафима, можно и не принимать во внимание, однако вызов Князя сокращал жизнь на целый год, Архангела же – на несколько. Имелся знаменитый пример: святая Эрхарн Благословенная, прошедшая путь от полной сил сорокалетней женщины до морщинистой древней старухи и далее к смерти за одни только сутки. Лишь один день и одну ночь пользовалась она мощью Архангела Ашалаэли, сдерживая море во время Великого наводнения 1309 года...

...Дельфон понял, что мысли его утратили четкость. Незнакомка вновь спрашивала его о чем-то. Но нет, она не могла в самом деле являться Девой Элланды! Она не...

– Скажи мне, ты ведь иконотворец?

– Да, – пробормотал Дельфон. И сжал руки, словно силясь спрятать пятна краски на пальцах, присохшие чешуйки яичного белка и цветные крупинки, хорошо видимые на загрубелой темно-коричневой коже. А также узор мелких шрамов на тыльной стороне морщинистых кистей, где кожа обладала более темным цветом: там он исторгал свою кровь.

– И ты до сих пор не только рисуешь, но и вызываешь?

– Да... правда, нечасто...

– Что за ангелы с тобой говорят? Есть ли среди них Форазиель?

– Да! – с немалым удивлением воскликнул Дельфон. Хотя в нем легко было узнать иконотворца, веревочный пояс его рясы не отягощали иконы, он не носил колец, вообще ничего, ни на шее, ни на запястьях, что определяло бы ангелов, сотрудничавших с ним в ремесле. Если учесть, что небесная рать одной Ашалаэли насчитывала десять тысяч ангелов, шанс угадать его знакомых ангелов составлял...

– Так я и думала, – сказала Лилиат, спугнув панические выкладки Дельфона. – Он привел тебя сюда ради моего пробуждения.

– Он? – переспросил Дельфон, охваченный недоумением и испугом. У ангелов не имелось того, что в привычном понимании называется полом, но существовала традиция изображать их как мужчин и женщин, и согласно этой традиции Форазиель была женщиной.

Лилиат пропустила его реплику мимо ушей.

– Мне нужна икона Форазиели, – сказала она. – Мне требуется ее сила, чтобы найти искомое, а тратить время, создавая собственную икону, я не хочу.

Дельфон безмолвно кивнул. Форазиель ведала поиском вещей и людей, утраченных или забытых. Он никак не мог оторваться от созерцания странных колец на руках Девы. Здесь наличествовали изображения высших ангельских могуществ. На одном из второстепенных – он с содроганием отваживался назвать его второстепенным, и лишь из-за того, *какие* с ним соседствовали, – красовался не обычный ангельский лик, увенчанный нимбом, а колесо внутри колеса, оба в окружении крохотных бриллиантовых глазков. Это был знак престола – одного из странных ангелов, высших в Первой Сфере. Он превосходил любого из ангелов, которые когда-либо откликались на зов Дельфона, и обладал неизмеримым могуществом по сравнению с маленькой Форазией. А уж соседние иконы намекали и вовсе на запредельные существа...

Лилиат пошевелила пальцами – свет фонаря заиграл в рубиновых и алмазных глазках, на позолоте нимбов.

– Иногда требуется скромная, но отточенная и утонченная сила, – сказала она, верно угадав ход Дельфоновых мыслей. – Ужасающее величие Князей и Архангелов порой бывает не к месту...

Дельфон покорно склонил голову. Все его тело содрогалось, как в приступе малярии. Слишком много свалилось ему на голову. Эта странная сестра... епископ... святая... или кто там она вообще, с непредставимой силой, стоявшей за ней... Рисованные иконы на ее пальцах были не простыми знаками духовного присутствия ангелов, а прямым доступом к жутким и величественным существам. Чего доброго, у нее могут быть припрятаны и вовсе иконы высочайших... если она сказала правду о том, что является неким первосвященником Паллениэля, равного среди Архангелов, хранивших самые значительные страны этого мира.

Хотя Паллениэль свою страну не сберег, наоборот – уничтожил ее эпидемией «зольно-кровной чумы». Оттого теперь его если и поминали, то как павшего ангела, а имя использовалось в проклятиях...

– Есть ли в этом храме икона Форазиели? – спросила Лилиат.

Дельфон заколебался... но ненадолго. Кем бы ни являлась эта женщина, пусть даже вражьим подсылем из Альбы или Восьмидесяти Шести Держав, она была куда могущественней его... да какое там, кого угодно в храме, считая и настоятеля. А ее непостижимая молодость, устоявшая перед силами, к которым она прибегала! Все это не подлежало осмыслению, а значит, у Дельфона не оставалось выбора, кроме как честно отвечать на вопросы и делать что говорят.

– Да, – сказал он. – В мастерской. Я лишь на днях завершил ее.

– Вот и отлично, – сказала Лилиат. – Покажешь, где это. А то мне было недосуг оглядеться, когда я... Э-э-э... входила.

– Да, – пробормотал Дельфон, медленно поднимаясь.

– Вот и отлично, – повторила женщина. Подняв руку, она коснулась одного из колец и что-то едва слышно шепнула. Дельфон прикрыл глаза ладонью – такой свет разлился вокруг – и все же не удержался, взглянул. Какого именно ангела вызвала женщина, он не рассмотрел, но понял, что тот быстро справился с порученным. Крышка саркофага вернулась на место, разорванные полосы свинца по-змеиному скользнули каждая в свою щель и прикипели. Несколько минут – и вот уже могила выглядела в точности как вчера вечером, когда Дельфон начинал бдение.

Старый монах смотрел на женщину, опираясь о стену и жмуря левый глаз в надежде, что это поможет сфокусироваться правому, видевшему получше. У женщины поседела прядка волос, но он заметил, как возвращается чернота: ни дать ни взять вино, вливаемое в воду. Ангел явился на ее зов, послушно запечатал могилу... а цену ей платить не пришлось. Или пришлось, но лишь временно.

– Думаю, ты прикончишь меня, когда получишь икону, – проговорил он медленно. – Чтобы избежать пересудов.

– Верно, – согласилась Лилиат. – Полагаю, поэтому-то *он* тебя сюда и привел, ведь тебе все равно недолго осталось. Это лучше, чем жертвовать молодыми. Паллениэль сострадательней, чем я.

– Вот как, – кивнул Дельфон. Страх отпустил, сколь бы странным это ему ни казалось. Теперь он ощущал лишь любопытство – и огромную усталость. Сколько треволений за несколько коротких минут! Еще и остаточное сияние ангела, обжегшее уголки глаз... теперь он видел еще хуже прежнего. – Паллениэль, разносчик эпидемии... враг сущего...

– Паллениэль, верно. Остальное, что ты сказал, – выдумки. Я уже говорила – не все, внушаемое тебе, истинно.

– Но как мог он устроить, чтобы именно я оказался здесь сегодня? – спросил Дельфон, даже на пороге смерти снedaемый искренним любопытством. Ангельские маги бывшими не бывают, даже в глубокой старости, даже в последние часы жизни. – Здесь ведь Саранс, вотчина Ашалаэли, здесь у Паллениэля нет власти. И ангелы не действуют по собственному хотению!

– Так твердят нам ортодоксы, – сказала Лилиат, и на ее лице появилась улыбка причастницы тайного знания. – Сказать тебе правду, полномочия ангелов в этом мире не ограничены жестко ими самими. Все определяется долгой практикой и обычаями людей, а людей можно... подвинуть. Или сделать исключение для данной местности. А кое-кому можно предначертать будущее деяние. Все зависит от воли и могущества мага!

Дельфон покачал головой.

– Не могу в это верить, – сказал он. – Не могу принять... разве только то, что ты и впрямь Лилиат... Я о тебе читал у Декарандаля, в «Жизнях замечательных магов». Правда, последние страницы нацарапал вовсе не Декарандаль... как бы то ни было, там говорилось, что Лилиат могла творить иконы очень быстро, буквально по случаю, и вызывать ангелов, не известных ни единому храму...

– Продолжай, – сказала Лилиат. – Мне стало любопытно. Что еще пишут?

– Что она не знала себе равных в искусстве иконотворения. И слухи, будто она не знала телесной платы за вызывание... тем не менее она умерла совсем молодой, всего лишь девятнадцати лет... таков, по крайней мере, был земной счет ее жизни. В общем, похоже, она все-таки старилась, пусть внешне это и не проявлялось. Иные называют это трагедией, чудесным обещанием, коего мир не сумел услышать.

– Тем не менее, как видишь, я не умерла, – сказала Лилиат. – И все свои обещания непременно выполню. Все и каждое, но одно из них в особенности...

Дельфон пристально смотрел на нее, не в силах понять, но отчетливо ощущая силу ее чувства. Он видывал такое прежде. У паломников, у тех, кто взваливал на себя великие обеты... теми людьми двигали внутренние побуждения, зачастую едва осознаваемые. В этой женщине пылал знакомый огонь, только в тысячу раз ярче.

– Идем, нам пора, – приказала Лилиат.

– Но ты же не причинишь мне вреда? – осторожно поинтересовался Дельфон. – В смысле, до того, как...

– Не трону, – спокойно согласилась Лилиат. – В какой-то момент твое сердце просто прекратит биться. Ты уже ощущаешь усталость, верно ведь?

– Да, да, верно, – пробормотал Дельфон.

Ангельский свет распространялся из уголков глаз, и с ним – благословенное тепло. Сколько лет он не чувствовал такого внутреннего покоя, такого ровного, уверенного сердцебиения... Казалось, где-то впереди, совсем недалеко, его ждало необычайно уютное ложе. Ложе куда теплее и мягче прежнего, находящегося в келье, в храме наверху...

– Погоди, Мазратиэль, – прошептала женщина. Мазратиэль происходил из Владычеств и ведал любыми видами движений... в том числе сокращениями сердца. Хотя заставить ангела пойти на прямое вмешательство и отобрать жизнь мог лишь очень сильный маг. И очень эгоистичный. – Сперва я заберу икону, а ему дадим присесть...

– О чем ты? – спросил Дельфон, немного придя в себя.

– О том, что ты служишь благу и великому делу, умереть за которое – немалая честь, – ответила Лилиат.

Ее глаза словно бы мерцали собственным светом, а на губах обозначилась улыбка. Дельфон вновь содрогнулся. Такая мощь и такая вера в одной молоденькой женщине! На вид почти дитя, но какая воля... какое стремление к цели... а за спиной – сонмы ангелов, готовых прибыть на зов...

Лилиат взяла его за руку и повела к двери – та, против всякого обыкновения, оказалась приоткрыта.

– Куда теперь?

– Налево, – сказал Дельфон. – Потом вверх по винтовой лестнице.

И, прихрамывая, двинулся прочь. Лилиат шла рядом.

– Что успело произойти в мире? – проговорила она. – Кто правит Сарансом?

Позади них со скрипом затворилась дверь. Дальнее эхо небесного хора оборвалось нестройным возгласом.

2

Лилиат устроила тело брата Дельфона на полу возле верстака. Явив подобающее уважение, прикрыла ему глаза. Мазратиэль успел удалиться. Он унесся поспешно, отнюдь не одобренный приказом отнять жизнь; наверняка при последующих вызовах станет противиться. Лилиат это не слишком заботило. Если Мазратиэль ей потребуется – никуда не денется, явится и будет служить, подобно всем ангелам, чьи иконы она создавала либо использовала. Непослушания она не потерпит.

Икона Форазиили, сделанная стариком, занимала на его верстаке самое почетное место. Лилиат ощущала намек на ангельское присутствие в образке, создатель которого использовал самое расхожее изображение Форазиили: обычная с виду, не самая красивая женщина средних лет, на лице – внезапная радость от какой-то доброй находки... лишь тоненький нимб и свидетельствовал, что это ангел.

– Я должна знать, кто они, где они, – прошептала молодая женщина. – Их всего четверо...

Однако вызывать Форазииль не было времени. Близился рассвет, а Лилиат следовало покинуть храм прежде, чем ее обнаружат. Забрав новенькую икону, она присоединила ее к остальным, рассованным по тайным внутренним кармашкам монашеской рясы. Поиски книги Декарандаля об иконотворцах с ее собственным нарисованным портретом, которую она посредством силы Переастора углядела в мыслях Дельфона, заняли еще несколько минут. Вырвав из книги нужные страницы, она убрала их в очередной карман. И вышла из комнаты, тщательно притворив за собой толстую дубовую дверь.

С момента, когда она тайно проникла сюда, чтобы спрятаться в Могиле Святой, минуло изрядно времени. Целых сто тридцать семь лет. Храм, однако, изменился не сильно. Открыв еще одну дверь, Лилиат проскользнула в восточную галерею. Здесь она помедлила, глядя наружу, на обширный мощный внутренний двор, едва озаряемый звездами. На земле виднелись чьи-то фигуры, похожие на мягкие холмики, слышались отзвуки храпа... Путешественники. Люди явно невеликого положения и достатка. Таких не ведут ни в гостевые комнаты, ни в братские спальни: пусть скажут спасибо, что впустили на территорию храма и позволили заночевать в его стенах. Любопытно, все они были в одежде какого-то светлого цвета, трудно различимого в лунном свете. Зеленовато-голубой? Серый? Одежда напоминала драные мундиры, хотя солдатами странники не выглядели.

Лилиат помедлила. Людей было не менее дюжины, а привратничья – по ту сторону двора. Кто-нибудь наверняка проснется, увидит ее, и положение может усложниться... так или иначе.

Стоя в раздумье, она услышала шорох босых ног по камню. Кто-то подкрадывался к ней сзади. Обернувшись, Лилиат увидела человека в сером плаще с капюшоном. Он занес кинжал и попытался ударить ее, но она оказалась быстрее. Она ушла в сторону безупречно плавным движением, которое могло бы заставить его насторожиться... не заставило.

– Я не хочу тебя убивать, – прошептал он, и Лилиат заключила, что спавшие во дворе не обязательно являлись его подельниками. А может, он просто боялся, что храмовая стража возле ворот услышит шум схватки и прибежит разбираться.

У человека не доставало половины зубов, сухая левая рука бесполезно висела вдоль тела. Зато правая, сжимавшая клинок, отличалась отменной силой.

– Просто будь умницей, снимай золотишко. И не вздумай вызывать ангелов, живо кишки выпущу... так что все равно толку не будет. Я – отверженец!

– А я, по-твоему, кто? – светски осведомилась Лилиат.

Она не шептала, но и голоса не возвышала. Лишь отметила про себя слово «отверженец» да крохотную искорку Паллениэля в крови горе-грабителя. Да, много о чем следовало порасспросить брата Дельфона... что ж, теперь предстояло выяснять напрямую.

– Понятия не имею, – сказал незнакомец, внимательно наблюдая за ней и держа кинжал наготове. – Старуха Брилл поглядела на звезды и говорит: идите туда, будет вам великое счастье. В кои-то веки не ошиблась... Снимай рыжые, тебе говорят!

– Отверженец, говоришь, – произнесла Лилиат.

Происхождение незнакомца не угадывалось ни по цвету кожи, ни по чертам. Кожа что ясеневая кора, глаза зеленые... и что с того? В Истаре и Сарансе тысячи лет назад селились и смешивались многие самые разные народы, оставившие всевозможных потомков. Черней черного, белей белого – и все, что между. Однако присущая этому человеку частичка Паллениэля могла означать лишь одно.

– Итак, ты ведешь род от выходцев из Истары? – осведомилась она.

– А то, – буркнул мужчина. И снова попытался пырнуть, но Лилиат невозможным образом отклонилась назад так, словно талия у нее была на шарнире. Удар лишь овеял холодком ее шею, в которую был нацелен. Не дав нападающему восстановить равновесие, женщина рывком выпрямилась. Рука ее метнулась вперед и сомкнулась на его запястье, так вывернув кисть, что грабитель крутанулся всем телом и упал на колени.

Худенькая юная женщина оказалась невозможно сильна. Мужчина издал горловой булькающий звук, он побелевшими глазами смотрел на нее снизу вверх, не в состоянии понять, что вообще происходит.

– Значит, раз ты истарец, ангельскую магию с тобой лучше не пробовать? – спросила Лилиат. – Чего доброго, в жуткую тварь превратишься?

– Да, да, – подтвердил человек. – Даже не думай!

– А еще можешь от зольнокровия помереть, – вслух размышляла Лилиат.

Судя по шорохам за спиной, путешественники во дворе начали просыпаться. Она повернулась, таща за собой пленника, чтобы не прозевать, если кто еще нападет.

– Нет, скорее чудищем обернусь, – пропыхтел грабитель. – И уж тебя-то точно убью!

Лилиат, не отвечая, мысленно потянулась к его искорке Паллениэля.

– А я полагаю, это будет болезнь, – сказала она, подчиняя своей воле то, что присутствовало в нем от Архангела.

Миг спустя в уголках рта грабителя появились хлопья золы. Полезли из глаз, посыпались из ушей, показались даже из-под ногтей. Лилиат выпустила его и отступила. Зола потекла, медленно и неотвратимо, словно густеющая кровь. Еще несколько мгновений человек стоял на коленях, потом завалился на бок. Зола сочилась из каждого отверстия тела, изо всех ранок и пор. Собиралась лужей кругом тела...

Он умер несколькими минутами позже. К тому времени все во дворе уже бодрствовали. И смотрели на Лилиат. В нескольких воздетых руках покачивались фонари, порождая пятна света и множество мечущихся теней. Лилиат, в свою очередь, разглядывала людей, уже понимая: что-то с этой толпой не так. Кожу они имели вполне ожидаемых цветов – от угольного до белесого. Разрез и цвет глаз – тоже. Но при всем этом...

Спустя миг до нее дошло: практически никто из них не стоял прямо. Большинство выглядело сутулыми, горбатыми, кривобокими. Кто опирался на костыли, кто – на плечи товарищей. А лица! Безглазые, безносые, беззубые. Изуродованные болезнями и увечьями. Подобное с легкостью излечивают ангелы. По крайней мере, приводят в человеческий вид.

Вот только никто из этих людей никогда не знал очищающего, исцеляющего прикосновения ангела.

Лилиат открыто встречала их взгляды – испуганные, вопрошающие, напрямую враждебные, – оценивала странные, сплошь серые плащи и рубахи... пока странники медленно, по

одному не опустились перед ней на колени, склоняя головы, как перед королевской персоной. Только один потупился не так покорно, как остальные, а потом и вовсе поднял глаза, встретившись взглядом с Лилиат. Кожа у него оказалась точно вересковый мед – золотисто-коричневая... был бы красавец, если бы не кривые глубокие шрамы, оставленные неизвестной болезнью. Шрамы затронули одно веко, не давая ему раскрываться, и заметно старили мужчину. Если верить уцелевшему глазу, юношески блестящему, и звонкому голосу, парень был еще совсем молод.

– Так ты вправду заново родившаяся Дева Элланды? О которой старики нам твердили? Ох, жаль, прабабушка не дожила! Вот порадовалась бы! На той неделе преставилась...

– Не заново родившаяся, – негромко ответила Лилиат. Шрамолицый юнец не явил должного почтения. Зато говорил как вожак своей разношерстной ватаги. – Я лишь восстала от сна. А вы, полагаю, из ордена Истары, увидевшие знамение?

Говоря так, она посмотрела вверх, на квадрат звездного неба, со всех сторон ограниченный храмовыми постройками. Спор о том, является ли ночное небо реальным обиталищем ангелов или всего лишь свидетельством их бытия и могущества, тянулся с незапамятных времен. И в чем бы ни заключалась истина, небеса оставались надежным показателем состояния тех или иных ангельских сил.

Как и следовало ожидать, здесь, в Сарансе, звезда Ашалаэли сияла в ночи выше и ярче всех. Но взгляд Лилиат скользнул мимо, к западному горизонту и немного южнее. Там когда-то сверкала звезда Паллениэля. Вдали от Истары она смиряла свой блеск, оставаясь, впрочем, одной из семи ярчайших на небосводе. Теперь там залег сплошной лоскут тьмы. И все же в трех пальцах левее этого провала можно было разглядеть очень слабую звезду почти фиолетового оттенка. Ее с трудом различало зрение, даже не вполне человеческое зрение Лилиат, – а ведь она в точности знала, где искать. И все равно звезда там была. Доступная наблюдателю, вооруженному телескопом и твердым намерением – или верными указаниями, куда смотреть, что искать.

Звезда принадлежала Жакверизлю, младшему в свите Паллениэля, в чьей власти, ограниченной пределами Истары, было внушать предвкушение добрых вестей и событий. Могущество невеликое, ибо Жакверизль никаких подробностей сообщать не умел. До моровой эпидемии к нему обычно взывали влюбленные, желавшие послать объекту своей страсти радостный трепет в предчувствии подарка.

Ныне звезда малого ангела представляла собой знамение, предварявшее возвращение Паллениэля, а с ним и пробуждение Лилиат. Зримая весть, посланная Ордену Истары... либо его наследникам и потомкам.

– Орден? – переспросил юноша со шрамами. – Ордена нету... в смысле, нету этих разодетых в пух и прах, со всякими там вышитыми гербами, золотыми цепями и сверкающими мечами. Есть лишь старуха Брилл, которая сидит с умирающими, записывает всякие бредни да в небеса смотрит. Если бы ты нас чуть позже покинула, сама бы увидела, как дело пошло. Истарцам не позволено свою страну вспоминать! Нас теперь зовут отверженцами, ведь это якобы за наши собственные грехи ангелы от нас отвернулись... либо не пойми во что превращают. Нас обязали носить серое, это, значит, чтобы чего не вышло, чтобы зверолодов не получилось. А еще нам велено не лезть на глаза, держаться в сторонке, подобно рабочей скотине, чтобы добрые люди нашими несчастьями не заразились!

– Вы – по-прежнему орден, и внешность тут ни при чем, – сказала Лилиат. В ее голосе звучала железная убежденность. – Вы будете исцелены, вы обновитесь, как только мы вернемся в Истарту и Паллениэль к нам сойдет!

Они встретили ее речи в молчании. Не особенно благоговейном, какого ждала Лилиат. Скорее – угрюмо-безразличном.

– Вы усомнились во мне? – спросила она. Она смотрела на молодого жожака, на его изрытое жестокой хворью лицо. В нем тоже ощущалась искра Паллениэля, горевшая ярче, чем в остальных. Его предок был весьма близок к тому, что требовалось Лилиат. Наверно, потому парень и возглавил эту компанию оборванцев. – Как тебя звать?

– Биск... Бискарэй. Я – Ночной Принц, – ответил молодой человек. – То есть уже Ночной Король, поскольку ты утомонила Сухорукого Франца, нашего благородного повелителя и владыку. Или, может, кто-то хочет бросить мне вызов?

Последнюю фразу он выговорил громко, вполоборота глядя на других отверженцев. Никто не пошевелился, не ответил ему.

– Ночной Король? В смысле, государь нищих, попрошаек и воров? – спросила Лилиат. – Преступного мира всего Саранса?

Ночной Король рассмеялся:

– Куда там... Одного только Лютейса, да и то лишь среди отверженцев. Нас норовят загнать в угол, но мы – самые многочисленные, а посему и правим ночью. Как выражаются власть имущие, «не все воры и нищие – отверженцы, но все отверженцы – либо нищие, либо воры...».

– Зачем же вы явились сюда, если не верите, что я поведу вас обратно в Истару, к новой жизни?

– А нам Франц приказал, – пожал плечами жожак. – У старухи Брилл вправду здорово получается по звездам читать... временами, по крайней мере. Вот прежний Ночной Король и решил, что нам тут может подвернуться та или иная добыча. В худшем случае, сказал, прогуляемся, места новые поглядим...

– Вы видели, что я над ним учинила, – сказала Лилиат. И улыбнулась – тонко, коварно. – Тем не менее я ощущаю ваше неверие. И хотя вы преклонили колени, истинного почтения в вас нет.

– Стать монстром или рассыпаться золой могло быть делом случая, – осторожно ответил Биск. Поколебавшись, продолжил с еще меньшей уверенностью: – Ну, я не то чтобы сомневаюсь...

– Тебе нужны еще доказательства? – спросила Лилиат. – Может, мне тебя вылечить? Вернуть гладкую кожу, сделать больной глаз неотличимым от здорового?

Вот это последнее окажется трудновато. Может и вовсе не получиться. Но если она успеет – убьет сразу нескольких зайцев.

Она заметила: он хотел ляпнуть в ответ нечто остроумное, но прикусил язык. Лилиат спросила:

– Подходящее испытание, верно?

Бискарэй легко встал и подошел к ней, остановившись в нескольких футах. Колен он больше не преклонял, зато правую руку держал у рукояти оружия, полускрытого серым плащом. Хотя ближайший фонарь находился как раз у него за спиной, Лилиат отчетливо видела беспощадное уродство рубцов. Какая-то зараза буквально сожрала его кожу, а левый глаз не просто сместила, как сперва показалось женщине. Злополучная глазница почти заросла диким мясом.

– Если сумеешь исполнить то, чего наобещала, я признаю тебя и буду верно служить, – проговорил он быстро. – Не сумеешь – кишки размотаю... или мои ребята подсуеются.

– Не пугайся того, что я должна сделать, не рази прежде, чем разберешься, – ответила Лилиат. И возвысила голос, обращаясь к толпе у него за спиной: – Это вам легкий намек на то, что нас ждет в Истаре, когда мы вернемся туда!

Она воздела руки и, продолжая наблюдать за Ночным Королем, коснулась иконы на большом пальце левой. Она решила вызвать Гветиниэль, несравненную целительницу. Многие ангелы умели исцелять, каждый – в меру отпущенного. Гветиниэль превосходили немногие.

Она принадлежала к числу Сил и непросто откликалась на зов. Рука Бискарэя дрогнула, порываясь к ножу, но клинка не обнажила. Лилиат ждала, ощущая далекое присутствие ангела, но не торопясь с вызовом.

– Смелости-то хватит? – шепотом спросила она.

Он пытался хранить видимое бесстрашие, но она-то видела и маску подозрительности, и теплившуюся за ней отчаянную надежду.

Ночной Король передернул плечами:

– Я и прежде ставил на кон свою жизнь... Если решение уже принято, отчего бы лишний раз кости не бросить?

Лилиат призвала Гветиниэль и одновременно устремила всю волю к частичке Паллениэля в этом человеке, заставив архангельскую сущность отступить. Пришлось одолевая сопротивление. Противилась зову и Гветиниэль.

– Ты покоришься, – прошептала Лилиат, обращаясь разом к нерассуждающей сущности и упорствующему ангелу. – Ты покоришься...

Я покоряюсь, – ответил мысленный голос. Гветиниэль, обычно вещавшая уверенно и спокойно, говорила тяжело и скрипуче. Послушание было вынужденным. – *Чего ты желаешь?*

– Излечи его, – так же мысленно приказала Лилиат. – Крупицу Паллениэля, сущую в нем, трогать не велю.

Моя область – восстановление природного порядка. Ее часто используют для исцеления смертных, – сказала Гветиниэль. – *Чужое присутствие мешает моей работе. Я не могу пойти против истинно великого, хотя бы и явленного не полностью.*

– Можешь, – усилила нажим Лилиат. – Я сдержу его. Исполни повеление!

Это слишком опасно, – прошептала Гветиниэль. – *Для всех...*

– Исполни!

Последний приказ Лилиат не просто произнесла вслух – проревела так, что отшатнулась толпа, а вдалеке вспыхнул факел. Это наконец проснулся привратник одной из храмовых башен.

Над головами плавно взмахнули громадные крылья, разлился теплый свет, запахло жимолостью. Ночной Король взвыл и свалился, Лилиат и та едва устояла под напором могущества, коему служила проводником. Длилось это мгновение... и вот она уже стояла прямой прежнего, стряхивая пережитое потрясение. Широкая прядь волос оделась сединой, по лицу пролегли морщины... но ненадолго. Изменения обратились вспять, еще пока она боролась с яростно бушующей искрой Паллениэля, удерживая ее одним напряжением мысли, и одновременно принуждала Гветиниэль явиться вновь и довершить начатое.

– Никто не смеет ослушаться меня! – рычала Лилиат. – Ты не выйдешь из моей воли! Я приказываю – ты исполняешь!

И вновь ударили крылья Гветиниэли. Прокатился громовый удар... но все-таки дело оказалось сделано, и ангел тотчас умчалась – гораздо быстрее, чем явилась на зов. Даже прежде, чем Лилиат отозвала, как полагалось, свое право приказывать.

Ночной Король кое-как сел и принялся ощупывать лицо. Жуткие оспины пропали, кожа обрела юношескую гладкость, вернула медовый цвет... и с левым глазом теперь был полный порядок. Он сунул руки под короткую куртку, ощупывая исцеленное тело... Потрясение на его лице не поддавалось описанию. Встав на ноги, он повернулся к товарищам. Распахнул куртку. Все фонари тут же приблизились. Люди рассматривали молодое, безукоризненно здоровое тело.

– Я... я исцелен!

Едва он это выговорил – толпа рванулась к Лилиат. Хромая, спотыкаясь, отчаянно стуча костылями. К ней тянулось множество рук, звучали умоляющие голоса:

– Вылечи меня!

– И меня! И меня!

– Помоги нам!

– Сейчас я не властна ничего больше сделать! – вскидывая руку, крикнула Лилиат.

При всей своей нечеловеческой силе она чувствовала неимоверную усталость, но не показывала изнеможения, просто не смела. Ей тяжело дался вызов могущественного ангела, но ничей глаз не мог найти зримого ущерба. Лишь она сама чувствовала, как восстанавливается кожа, как исчезают наметившиеся было морщины. Лилиат слегка улыбнулась, подбадривая новообретенных поклонников и осознавая очередную победу. Она вновь вызвала ангела, заставила исполнить требуемое – и не заплатила по счету. Так будет и впредь!

– Когда мы вернемся в Истару, исцелятся все! – громко пообещала она.

Но люди знай наседали, одержимые лишь собственными сиюминутными нуждами. Лилиат попятилась от них, укрываясь за колонной, готовая врукопашную отбиваться от первых, кто сунется; вновь прибегнуть к ангельской магии она не решалась. Она слишком устала, чтобы удерживать и направлять воздействие. А ведь даже одно чудовищное превращение может всех привести к смерти. В том числе и ее саму. Хотя ее убить и очень непросто...

Решительных действий от Лилиат не потребовалось. На ее защиту встал Бискарэй. Взревел и, пустив кулаки в ход, отшвырнул самых наглых – кого в гущу толпы, кого на камни мостовой. Вел он себя как опытный псарь, умиряющий голодную стаю. Собак много, но ему ли бояться?

– Назад! Назад, сказано! На колени все! На колени!

Человеческий прилив наконец отхлынул. Отверженцы падали ниц, отходя от недавнего чувства, близкого к вожделению. Лилиат, однако, слышала, как где-то там отпирались ворота, замыкавшие странников в границах двора. Вот звякнули вытаскиваемые засовы... Сейчас подойдет привратник, а с ним наверняка звено стражников. Все обозленные: кто-то поднял их посреди ночи, и добро бы приличные гости, а то – весьма нежелательные постояльцы...

– Мне нужен плащ, – сказала Лилиат Бискарэю. – С капюшоном. Или шляпа пошире. И надо бы нам поскорее отсюда убраться...

– Как скажешь, – отозвался тот.

Он отдал отрывистый приказ стоявшей поблизости отверженке, и та принялась рыться в сумке. Кто-то уже тащил тело прежнего Ночного Короля в самый темный уголок галереи.

– Думаю, уберемся мы без труда, – сказал Бискарэй. – Сейчас они нас просто вышвырнут. А потом... потом мы – в Истару?

– Нет, – тихо ответила Лилиат. – Мне нужно время. Я хочу сперва разобраться, что происходило в мире, пока я спала. Я никак не ожидала, что в Истаре до сих пор верховодят звероподобные... Чтобы вернуться туда, нам понадобится армия.

– Армия? Да любой отверженец бегом прибежит под твоё знамя, как только люди прослышат...

– Нет, – перебила Лилиат. – Слух о моем возвращении не должен распространиться. А те, кто *не* из Истары, вообще ничего знать не должны. Слишком много в Сарансе, да и во всем мире, даже на небесах, тех, кто не желает нового возвышения Истары. И смертные, и ангелы начнут противиться возвращению Паллениэля. Нужно хитростью поставить их нам на службу. Будем действовать с умом!

– У Ночных Трудяг так и принято поступать. Ум да ловкие руки, иначе в жизни не пробиться, – заметил Бискарэй.

– И языки у вас, полагаю, подвешены как следует, – сказала Лилиат, довольно двусмысленно подмигнув Бискарэю на удивление.

Она не могла по-настоящему испытывать плотскую страсть к обычному смертному. Исцеленный Бискарэй стал почти красавчиком; казалось бы, почему нет?.. Ее впрямь тянуло к нему, но это влечение безнадежно меркло на фоне всепоглощающей любви к Паллениэлю. Телесная

близость могла разве что отвлечь ее, дать облегчение среди непрестанных сжигающих судьбоносных трудов...

Да, пожалуй, со временем она допустит этого Бискарэя до своего ложа. Чтобы еще теснее его привязать... так она прежде поступала и с мужчинами, и с женщинами. Причем отнюдь не всегда столь же молодыми и красивыми, как этот принц воров.

Тут ей передали плащ. Лилиат набросила его на плечи, надвинула капюшон и запахла. Ссутулив спину, она затерялась в толпе. В это время ворота со стоном растворились, и во двор вступила храмовая привратница, сопровождаемая четверкой зевающих стражей. Эти последние держали тяжелые посохи с железными наконечниками. Посохи тотчас пришли в движение: кого толкали, кого лупили.

– Как посмели вы нарушить мир и покой в храме! – гремела привратница, перекрывая все голоса. Она взглянула в небо, морщась спросонья и ожидая увидеть признаки приближающейся грозы, уверенная, что слышала гром. Ночная чернота понемногу сменялась глубокой предутренней синевой, без малейшего признака облаков... С другой стороны, привратница только что крепко спала... а пробудили ее кошунственная болтовня и крики этих мерзких отверженцев.

– Вон! Вон! Им гостеприимство оказали, а они!.. Чтоб духу вашего здесь больше не было!..

3

Лилиат никогда прежде не бывала в Лютейсе, но главный город Саранса ненамного отличался от Каденца, истарской столицы. Через Лютейс тоже тянулось извилистое русло реки, только более узкое, и называлась река Лейре, а не Госс. И еще город выглядел плосковатым. Не в пример Каденцу, стоявшему на холмах.

А вот стену Лютейс имел куда более протяженную и высокую, чем столица Истары. Бледно-желтой кирпичной кладке насчитывалось всего лишь несколько веков – никакого сравнения с серыми каменными глыбами более ранних времен. Тем не менее то ли городская, то ли самодержавная власть, а может, обе давно перестали уделять должное внимание обороне. Пространство за стенами больше не расчищали. Оно и заросло домиками, домишками и лачугами, что жались к самой стене, даже карабкались на нее...

Одно из многочисленных пристанищ Ночных Трудяг располагалось в квартале отверженных. Обширные трущобы начинались у речной гавани, где находились лабазы, переползали через юго-западную часть стены и широко растекались там, где поколение-другое назад простиралось чистое поле. Люди Биска завладели двумя строениями, оседлавшими стену. Верхние этажи развалюх клонились навстречу друг дружке, так что из чердачного окошка дома за стеной можно было перепрыгнуть в такое же окошко дома внутри.

Лилиат без проволочек вселилась в самый обширный покой дома с городской стороны. Он занимал весь пятый этаж. Здесь устроили временную мастерскую иконотворца. Под самыми большими окнами воздвигли длинный верстак: для работы требовался естественный свет. Лилиат не предполагала засиживаться в этом доме надолго, но дел предстояло немало. Иконы все же отчасти пострадали за время ее долгого сна. Особенно те, что она извлекла из тайных хранилищ, оставленных ее верными сразу по прибытии в Лютейс. Ангелы гораздо охотнее откликались на вызовы через красочные, ухоженные изображения.

Другой угол просторной комнаты занимала роскошная кровать с четырьмя угловыми столбиками, балдахином и занавесями, расшитыми золотой нитью. Она вполне подходила для королевы – и в самом деле являлась свадебным даром какой-то древней принцессе, которая, однако, умерла до брачной ночи. Сюда кровать переехала из королевского загородного охотничьего домика, и после тщательной чистки ее оснастили пуховой периной и изысканными простынями. Лилиат понимала, что Биск раздобыл эту кровать в надежде разделить ее с ней, но с решением на сей счет Дева пока не торопилась. Чем выше ожидания, тем надежнее он подпадет под ее власть...

Сейчас Лилиат сидела за рабочим столом, но занималась вовсе не поврежденной иконой. Вместо этого она держала одну из сделанных братом Дельфоном и, наклонившись вплотную, тонкими пальцами трогала изящную позолоту. После ухода из храма Святой Маргариты она дважды приступала к вызову Форазииэли, но оба раза процедуру приходилось прервать. Похоже, ангел воспользовался ее потерей сосредоточения. Форазииэль упорствовала и ускользала.

Теперь к ней приходилось обращаться из города, где ангельскую магию не практиковал только ленивый. Здесь постоянно присутствовало множество ангелов, уже кем-то вызванных в земной мир, а значит, вероятность постороннего любопытства и обнаружения оставалась немаленькой. Не то чтобы это сильно беспокоило Лилиат. Она хорошо знала, какого рода ангелов призывали обычные маги. Если кто-то из них пошлет подвластного ангела выяснять, кто она такая, она с ним справится без труда. Положение станет опасным, если сама кардинал Дюплесси серьезно забеспокоится и надумает призвать Ашалаэль... В своей собственной стране Архангел Ашалаэль мгновенно обнаружит Лилиат и быстро одолеет ее... однако риск, что все случится именно так, был невелик.

Лилиат успела выяснить: нынешней держательнице великой иконы Ашалаэли было под пятьдесят, но выглядела Дюплесси на двадцать лет старше, до срока состаренная многочисленными призывами. Без очень веского повода она к Ашалаэли не обратится, лишь при великой нужде. Поэтому Лилиат спокойно творила свои мелкие деяния и обманы, не боясь привлечь внимание кардинала.

Нет, конечно, поводы для беспокойства имелись. Кардинал, может, и остережется тревожить правящего Архангела Саранса, но кто поручится, что на Лилиат не наткнутся ищейки вполне земного порядка? Она еще не успела разработать себе новую личность, спрятаться за приемлемой маской. Если кардинальские поборники – так назывались солдаты и тайные агенты ее преосвященства – обнаружат Лилиат прямо теперь, в гостеприимном доме Ночного Короля, ей трудновато будет сбежать, сохранив инкогнито. Тщательно выверенный процесс превращения в иного человека, уловка для отведения глаз смертных, уже начался. Однако завершиться еще не успел.

Риск есть, сказала себе Лилиат, однако пойти на него придется. Нужно вызвать Форазизель. Остаться и дальше в неведении касемо имен и мест пребывания четверых кандидатов было невыносимо.

Мысль о столь малом числе – всего четверо! – заставила ее снова нахмуриться. Впрочем, лоб Лилиат тотчас же разгладился. Думать о мелких препонах? Еще не хватало!

Продолжая касаться кончиками пальцев иконы, Лилиат начала вызов. Сейчас она, против обыкновения, не пускала в ход чистую волю, силовым порядком проламываясь к прямой связи. Нет, она действовала медленно, исподтишка. Так, как обучили ее, не по годам умную послушницу, восторженные наставники из храма. Те, что самыми первыми называли ее Девой Элланды.

Форазизель, находящая утраченное.

Форазизель, открывающая тайное.

Форазизель, Форазизель, явись мне на помощь!

Лилиат ощутила медленное-медленное приближение ангела. Форазизель, полная подозрений, откликаться не хотела. Однако от Лилиат через икону и далее к небесам, обиталищу ангелов, протянулась ниточка силы. Просто так не отмахнешься...

...И маленький ангел попался. Прямо в ловушку, пылавшую свирепой волей Лилиат.

– Форазизель. Ты исполнишь мое повеление. В Лютейсе есть четверо, несущие в себе истинную суть Паллениэля. Мне нужны их имена, положение, места, где...

Я не могу. Это запрещено. Я...

– Ты можешь. Ты должна. Если потерпишь неудачу или скроешься из этого мира, не исполнив приказа, при следующем вызове ты будешь развеяна.

Лилиат ощутила изумление и потрясение ангела; Форазизель поняла: так все и произойдет. Большинство ангелов даже не знали, что им вообще можно причинить вред, уничтожить. Форазизель это вполне уразумела: поди усомнись, будучи не в силах уклониться от хрустального трепещущего копья, которое представляла собой в ее мире воля Лилиат. Вот интересно, додумался ли еще какой-нибудь маг, что ангелов можно убить? И еще кое до чего?

Видимо, не додумался. Иначе они каждый раз так не удивлялись бы...

Возможно, высшие ангелы знали. Лилиат не чувствовала уверенности, что сумела бы отправить в небытие кого-то из них. И рисковать не собиралась. Даже уничтожение серафима или херувима оставалось тяжелейшим делом, хотя она это проделывала несчетное количество раз, присваивая их могущество. Сперва – чтобы возвыситься над человеческой природой. Потом – чтобы отточить определенные навыки. И наконец – чтобы оградить себя от влияния времени. Особенно в преддверии столь длительной не-смерти...

Я повинуюсь, ибо должна. Это в моей власти. Я вернусь не более чем через час, неся знание, которого ты жаждешь.

– Ступай же. И не подведи меня, – резким приказным голосом напутствовала Лилиат.

Прошумели легкие крылья... тем не менее Форазизель все еще оставалась в мире людей. Лилиат не отнимала пальцев от иконы, чтобы ангел не ускользнул прежде исполнения приказа. Она смутно ощущала, как ее посланница порхала над городом. Туда, сюда... разыскивая тех, кого Лилиат пожелала найти.

Следующий час прошел в приятных раздумьях о будущем. Лилиат так углубилась в свои мечты, что почти удивилась незримо возвращению Форазизели. Ее пальцы по-прежнему касались иконы, а вот мысли успели забрести далеко.

Я здесь. Я нашла требуемое.

Лилиат вернулась к насущному. Напрягая волю, положила рядом с иконой кусок плотной тряпичной бумаги.

– Начертай их имена.

Крохотная искра вспыхнула над бумагой. Побежала, оставляя выжженный след. На листке медленно оформлялось изящно выведенное «С». Лилиат зашипела от нетерпения, вогнав ангела в трепет. Искра побежала быстрее, оставляя на бумаге прогары. Незримые руки и крылья гасили возникающие языки пламени: так ангелы взаимодействуют с вещным миром. Где дыры, где тонкие линии – на бумаге возникали вполне читаемые слова.

Симеон МакНил. Студент-медик в госпитале Святого Йерахибима Безмятежного.

Агнес Дескарэй. Кадет, будущий мушкетер королевы.

Анри Дюпаллидэн. Секретарь на службе кардинала.

Доротея Имзель. Студентка-иконотворец, учится в Бельхолле.

Отпусти меня, – взмолилась Форазизель.

По лицу Лилиат пробежала судорога жестокого гнева. Ее снедали мысли о наказании, убиении, поглощении... Увы, такое наверняка всполошит ангелов, пребывающих здесь и на небесах, равно как и их смертных хозяев. Испытание было велико... но неразумно.

– Прочь, – сказала она, отпуская посланницу.

Когда Форазизель удалилась, Лилиат положила икону ангела в ящик комода, стоявшего у верстака. Икон там лежало множество, измерявшееся дюжинами. Те, что запрятанными по кармашкам сопровождали ее в Могилу Святой, составляли ничтожное меньшинство.

Лилиат окинула их взглядом, потом медленно вдвинула и заперла ящичек. Как всегда, ей безумно хотелось вызывать и вызывать ангелов – просто чтобы убедиться в своей власти над ними, лишний раз насладиться их неспособностью противиться ее приказам. Подтвердить, что она – единственная в мире, на ком не сказывается обращение к небесному воинству. Ибо расплачиваются ангелы, в разное время ею поглощенные, а вовсе не она сама – своей плотью и кровью.

Что бы она ни творила, юной и прекрасной она останется навсегда.

Прозвучал тройной стук в дверь, пауза, еще тройной стук. Это вернулся Бискарэй. Вот кто с должным рвением исполнял ее малейшие пожелания, да еще привел ей на службу Ночных Трудяг в полном составе. Всех воров, попрошаек, шарлатанов разных мастей, карманников, форточников, забияк, чердачников Лютейса. Исцеление, сотворенное Лилиат, дало ему незыблемую веру. Он не допускал ни тени сомнения: Лилиат приведет его племя обратно в Истару. Еще он определенно рассчитывал обрести там истинную власть, выйти из потемок на свет. Лилиат подозревала, что он вполне видел себя на троне. И ее, конечно, рядом с собой, чтобы вместе править Истарой.

Лишь сам Биск да дюжина отверженных, что присутствовали с Бискарэем в храме Святой Маргариты, знали, кто она такая в действительности. Все они поклялись свято хранить тайну. За это Лилиат посулила им исцеление и несметные богатства, а Биск пригрозил лично

убить любого, кто проболтается. Все же эти люди оставались потенциальной угрозой, поэтому вожаки старались держать их под рукой. Ни один не вернулся к своему прежнему воровскому промыслу. Все теперь трудились в доме возле стены.

– Входи, – сказала Лилиат.

Встав со скамьи, она разгладила рубаху и штаны. То и другое было скроено из атласа глубокого темно-красного цвета. Обширный вырез рубахи прикрывал широкий кружевной воротник, усыпанный крохотными бриллиантами. И скромность соблюдена, и взгляд привлекает. Штанины открывали тонкие лодыжки, а отделанные золотом башмачки дополняли впечатление. На руках оставалось лишь несколько иконных колец, еще один образок красовался приколотым к одежде наподобие броши. Длинные темные волосы Лилиат прятались под кружевной шапочкой, тоже искрившейся бриллиантовой россыпью.

Эту одежду ей купили на деньги, припрятанные еще в прежние времена. Как и иконы в ящике, они дожидались возвращения Лилиат. Она не рассчитывала спать настолько долго, не предвидела, что истарские беженцы превратятся в касту отверженных... однако первое поколение ее верных, по крайней мере, в точности исполнило все перечисленное в ее письменном приказе.

Бискарэй лично забрал два самых существенных клада. Лилиат даже позволила ему увидеть, что хранилось в привезенных им сундучках. У него глаза полезли на лоб при виде богатств, которые сумели вывезти ее последователи. Иконы, драгоценные камни, казна, да какая! Баснословно весомые двойные дельфины, золотые монеты Истары!

Но больше всего потрясло Бискарэя одно особенное сокровище из главного клада. Ночной Король узнал его с первого взгляда. Вещь, чья стоимость почти не поддавалась исчислению, оказалась еще и объектом знаменитой кражи: сто тридцать пять лет назад воры обнесли не кого-нибудь, а саму Анну Четвертую, саранскую королеву. В сундуке лежало великолепное ожерелье из двенадцати икон, перемежаемых самоцветами. Еще в те времена похищенное ожерелье породило целый пласт народных сказаний; в них его называли «Дюжиной алмазных икон», поскольку каждый из позолоченных бронзовых окладов действительно мерцал десятками бриллиантов.

Лилиат вволю потешилась его благоговейным остолением. А еще больше – тем, что с ним сделалось, когда она ненавязчиво сообщила ему, что организовала кражу, надумав изучить иконы в составе ожерелья. Иконы представляли собой изображения Двенадцати Князей, сущих под началом Ашалаэли. Для ее целей особенную важность представляло то, что изготовил ожерелье маг-отступник Чалконте, первым создавший работающие иконы, гравированные в металле. В дальнейшем Чалконте познал падение, докатился до прямой ереси, но эти образы никто еретическими не считал.

Планов своих на ожерелье Лилиат Биску не открыла. Она и сама еще окончательно не определилась, хотя разные возможности так и роились, заставляя рассудок постоянно взвешивать всякие «за» и «против».

Бискарэй вошел и отвесил Лилиат низкий поклон. Его лицо скрывала черная кожаная маска – грубо сработанная, плохо сидящая... свидетельство былых шрамов, исчезнувших по воле Девы. Правый глаз смотрел в обычное отверстие, некогда больной левый – как прежде, в узкую шелку. Никто не должен был прознать о его исцелении, считавшемся невозможным.

Как того требовал закон, Бискарэй был облачен в серое. Рубашка, куртка, штаны, плащ – все одного цвета, предписанного отверженным. Другое дело, что по возвращении в Лютейс он стал выбирать ткани получше, крой понаряднее. А у шеи и в рукавах даже виднелись тонкими полосками черные кружева, едва позволяемые истарским беженцам.

– Вечер добрый, миледи, – поприветствовал ее Бискарэй. Покосившись на кровать, сразу отвел глаза. Дескать, случайно взглянул.

– Миледи? – переспросила Лилиат. Улыбнулась, обвивая вокруг пальца длинный локон, выбившийся из-под чепца. – Я уже стала знатной дамой из Альбы?

– Тебе стоит лишь захотеть, – сказал Бискарэй. Запустив руку под куртку, он вытащил связку бумаг. – Ты просила подыскать тебе что-нибудь подходящее... благородных кровей, но малоизвестное при дворе.

– Было дело, – вновь улыбнулась Лилиат.

– Я нашел три варианта, – отвечал Ночной Король. – Альбийский представляется наилучшим. Ты... полагаю, ты ведь говоришь по-альбийски?

– Да, говорю, – ответила Лилиат на языке Альбы.

По ее губам скользнула жестокая улыбка: она припомнила, как обрела это знание. Один из ангелов, которого она втянула в себя, принадлежал к альбийскому воинству.

Бискарэй стоял перед нею потупившись и не заметил улыбки.

– Итак, скажи, кем я стану, мой верный рыцарь, – велела Лилиат.

Она пересекла комнату и легонько похлопала его по плечу, словно даруя рыцарское посвящение. Потом отошла и уставилась в высокое окно. Она видела его смазанное отражение в толстом неровном стекле, разделенном переплетами на восемь квадратов.

– Леди Дейемс, вдова, двадцати лет от роду, – начал Бискарэй. – Прибыла из Альбы два дня назад. Месяцем ранее ее поверенные купили дом старого лорда Демазеля. Леди очень богата, притом что в Альбе на нее пала тень подозрения: родня покойного мужа полагает, будто она тайно сжила супруга со света.

– А на самом деле?

Бискарэй покачал головой:

– Сомневаюсь. Он был немолод, она же прекрасна.

Лилиат повернулась к нему. Он поднял глаза и недолгое время прямо смотрел на нее, потом снова потупился, бормоча:

– Хотя не так хороша, как ты. Сходство, конечно, имеется – темные глаза и кожа, рост... правда, волосы не черные, а темно-каштановые...

– Ерунда, – отмахнулась Лилиат. – Вызову Фрудриэля либо Асараваэля... и все сойдется. Или просто смешаю ремень и хну...

– Этот вариант наилучший из всех, что мы подобрали на сегодняшний день. И не во внешности дело. Она состоятельна, отчуждена от семьи мужа, от альбийцев вообще, а в свете склонны верить, что она убийца. Политика!

– Как у нее с магией?

Бискарэй покачал головой:

– Либо отсутствует, либо весьма незначительная. Носит она один старенький образок, камейю Фермизиэли... Так Эррил говорит, сам я ангела не признал.

– Эррил? Та горбунья, что с нами в храме была?

– Да. Она у нас самая ученая. Если бы не родилась отверженкой, великой магинею была бы!

– Да, припоминаю, – сказала Лилиат. – Фермизиэль – мелочь, ведает красками... только старое тряпье поновлять. А много ли у леди Дейемс домочадцев?

– Швейцар, три служанки, два конюха да повар.

– Она что, альбийского повара в Лютейс привезла?

Бискарэй передернул плечами. Альбийцы считались народом с изрядными странностями, а уж в том, что касалось еды, и вовсе непостижимым.

– Связи у нее какие-нибудь есть? Родня? Приятели?

– Пока не обнаружено. Она происходит из какого-то сельского захолустья на севере Альбы. Род вполне благородный, но захиревший. Если бы не красота, век бы ей того замужества не видать.

– Сам ты видел ее? Мы правда похожи?

– Волосы перекрасить – и никто не различит. К тому же она носу не кажет из своего нового дома, со времени приезда ее немногие видели. Говорят, разболелась, пока переправлялась через залив. Или вообразила, будто тяжело больна.

Лилиат ненадолго задумалась. Вот он, решающий момент. Ошибись – и последствия окажутся ужасны. А выбор сделать необходимо. Ей нужна новая личность, чтобы плести интриги и манипулировать... все ради достижения великой цели. Кроме того, Лилиат отнюдь не собиралась и дальше довольствоваться единственной комнатой в воровской «малине»... хотя бы и стояла в ней кровать королевы. В Истаре ее чертоги в собственном храме соперничали с монаршими покоями Каденца...

– Пожалуй, я продолжу в том же духе, – сказала она. – Отчего не сослаться на слабое здоровье, когда мне понадобится... Это может оказаться полезно. Но когда бедняжка поправится, ее ведь примут при дворе?

– Да, – ответил Бискарэй. – Как я уже говорил, она из благородного рода, даже не без королевских кровей. А тень подозрения насчет убийства, случившегося в Альбе, здесь ей даже поможет. Королева недовольна нынешней позицией Альбы, а еще ходят слухи, будто перебежчица Делайнс, ее прежняя любовница, продала Этелингу письма королевы. В общем... всякий, кто враг Этелингу, вроде как друг королевы, верно?

– Она интересуется кардиналом? Люди ее преосвященства посещали леди Дейемс?

Лилиат не стала спрашивать о короле. Никого особо не интересовал король Фердинанд. Саранс номинально возглавляла королева София Тринадцатая, но делами страны большей частью заправляла кардинал Дюплесси, она же главный министр. Королева редко перечила советам и указаниям кардинала. Король, как умел, интриговал против обеих. Это успело стать традицией, реально же на положение дел не влияло.

– По-моему, нет, – сказал Бискарэй. Уверенности против прежнего у него поубавилось. – Мы ни разу не видели ни поборников кардинала, ни мушкетеров королевы... ни других агентов, которых знаем в лицо. Эх... вот еще кардиналу бы проницательности поубавить...

– Она ни о чем не должна проводить! – отрезала Лилиат. – Она не должна узнать обо мне!

– Ни в коем случае, – согласился Бискарэй. Подойдя, он опустился перед Лилиат на колени, сложив руки, словно в молитве Архангелу. – Она не узнает. И вообще ни одна живая душа... Я позабочусь об этом!

– Я верю тебе, мой Бискарэй, – промолвила Лилиат.

Опустив одну руку, она позволила Ночному Королю поцеловать ее, прежде чем вернулась к окну.

– Что ж, хорошо, – продолжала она. – Значит, сегодня вечером.

– Сегодня вечером? – переспросил Бискарэй.

– Твои люди готовы?

Ночной Король кивнул головой.

– Приходи, когда сделаешь дело, – сказала Лилиат. – Захвати какую-нибудь ее одежду и украшения.

– Час будет поздний... то есть скорее ранний. Думаю, мы управимся как раз перед рассветом.

– Я буду здесь, – сказала Лилиат. Бросила взгляд на кровать, снова посмотрела на Бискарэя... улыбнулась. – Ты хорошо потрудился, Бискарэй.

– Спасибо, миледи.

– Еще кое-что, – сказала Лилиат, передавая ему листок с четырьмя выжженными именами. Черные буквы резко выделялись на белой бумаге. – Вот эти четверо... Я должна знать о них все. Все, что можно выведать. Семьи, происхождение, родные края... За этими людьми

нужно присматривать и защищать их. Только аккуратно – они ни о чем не должны догадываться. Главное, ни волоска с их голов упасть не должно!

Изучив листок, Бискарэй озадаченно нахмурился.

– Эти люди, – проговорил он, – выглядят малозначительными. На что они?

– Узнаешь, когда придет время, – ответила Лилиат. – Помни только, что наблюдение и охрана этих людей – дело первостепенное.

– Распоряжусь немедленно, – пообещал Бискарэй. – Приставлю соглядатаев и стражей.

Лилиат жестом велела ему подняться с колен и вновь подала руку для поцелуя. Она не отстранилась, когда он перевернул ее кисть, целуя внутреннюю сторону запястья. Более того, ласково потрепала его по голове над ухом.

– Почему бы тебе не поделиться планами со мной? – спросил Бискарэй. – А то я в толк не возьму, на что тебе становиться знатной альбийкой. И те четверо... каким образом они помогут нам вернуться в Истару?

И он собрался было притянуть ее поближе, но Лилиат отодвинулась.

– Я обязательно тебе расскажу, – тихим голосом, полным обещания, проговорила она. – Не все сразу, конечно. Когда время придет...

Часть II. Четверо

4

Симеон МакНил размышлял о взаимном расположении костей большого пальца и пясти, увлеченно препарируя кисть руки. Поэтому с первого раза не услышал пажа, пришедшего с вестью: его вызывал магистр Делазан.

Симеон был всего лишь первокурсником, но за вскрытием наблюдало несколько других докторов-неофитов. Симеон знал: это вовсе не ради его весьма искусной и быстрой работы (хотя сказанное выше являлось истиной). Дело в том, что наружность юноши мало соответствовала его блистательным навыкам. Симеон был весьма крупным молодым человеком, чьи черные пальцы больше напоминали кровавые колбаски. Когда он только появился в больнице, его называли то Быком, то вовсе Мамонтом, но ироничные клички скоро вышли из употребления, потому что он раз за разом спокойно подтверждал свое мастерство. Его родители были известными врачами в родном городе Симеона, Лутейне, что в провинции Басконь. Они рано обратили внимание на изумительную сообразительность сына, его бездонную память и невозмутимый характер – и с малолетства принялись его обучать. С тех пор Симеон успел поучаствовать, кажется, во всех видах медицинских операций и процедур. Так что образование, предлагаемое госпиталем Святого Йерахибима Безмятежного, для него обернулось не тяжким путем познания, а скорее формальностью.

Другое дело, что, фактически будучи состоявшимся врачом, Симеон не мог практиковать без официального диплома о завершении госпитального курса. Поэтому юноша философски отнесся к необходимости повторять давно изученное. А способов узнать или открыть нечто новое имелось множество. Правда, на самих занятиях это происходило нечасто...

– Магистр сказал, чтобы вы немедленно пришли, – повторил мальчик.

Симеон не знал, как звали пажа, хотя и видел его в коридорах больницы. Сегодня тот выглядел еще пасмурней обычного. Даже для отверженца, меланхоличного, как все его племя.

Симеон мимолетно задумался о причине. Может, мальчик наконец осознал, что уготовило ему будущее? Тяжелый труд и жизнь в услужении... да и та, скорее всего, окажется недолгой. Как отверженец, он не подлежал применению ангельской магии, потому что она вызвала бы зольнокровие либо превратила бы его в монстра. А значит, ни чудесных исцелений, ни защит от болезней, которыми славился нанявший его госпиталь, пажу не светило. А вот любую заразу из тех, с которыми здесь имели дело, он мог запросто подхватить.

– Магистр Делазан просит вас помочь распаковать один образец в старом хранилище, – сказал мальчик. – Это потому, что *нас* туда не пускают.

– В старом хранилище? – нахмурился Симеон. – Ты уверен, что зовут именно меня?

– Он сказал, приведи здоровяка, – хмыкнул мальчишка.

Кивнув, Симеон положил щипцы и скальпель и отошел от стола. Его пальцы безотчетно нащупали пластинку из слоновой кости, которую он носил на шее, на кожаном шнурке. Губы прошептали словесную формулу, отпуская ангела отдыхать.

Как пожелаешь, – отозвался тихий голос, слышный лишь Симеону, и ангельское присутствие, ощущавшееся в виде легкого тепла, постепенно рассеялось – лишь незримые крылья в воздухе прошелестели.

Наперсная икона имела отношение к серафиму Рекваниэлю, защитнику и заступнику. Всем студентам выдавали такие иконы и обучали, как верно направлять ангела на борьбу с невидимыми, но смертоносными гуморами, источаемыми умирающими и больными, а также

истекающими при анатомировании недавно скончавшихся. Здесь это было актуальнее защиты от физического насилия, которой требовали от ангела простецы.

По свойству всех старых и замусоленных студенческих икон та, которую носил Симеон, предоставляла лишь тесный каналец для ангельской силы, не будучи, таким образом, ни могущественной, ни надежной. Он и так уже ощутил, как слабеет присутствие Рекваниэля, и даже без вмешательства пажа оказался бы вскоре вынужден остановиться. Впрочем, будь его икона сколь угодно сильна, остановиться все равно пришлось бы. Пользование ангельской магией дорого обходилось вызывающему. И сиюминутно, и в долгосрочной перспективе.

– А в старом хранилище почему? – спросил Симеон и зевнул, прикрывая рот рукавом. – И кого, собственно, туда не пускают?

– Меня, – сказал паж. – Как и всех гонцов с носильщиками.

Симеон смотрел озадаченно. Как раз носильщики всегда занимались образцами и целыми телами, предназначенными для анатомической практики либо частных исследований. Ни студенты, ни доктора-магистры никогда не опускались до скучной, тяжелой и зачастую грязной работы по их перетаскиванию... и все же – почему старое хранилище?

Ясность наступила, когда он наконец сообразил, о каком образце речь.

О чудовище.

Одной из лютых тварей, что некогда заволокли и сгубили Истару, родину отверженцев. Недоброй памяти страну, где зольнокровная эпидемия, случившаяся лет сто тридцать назад, выкосила две трети жителей и жутко преобразила почти всех оставшихся, упустив лишь горстку беженцев, перебравшихся в более благополучные земли.

Но даже и эти спасшиеся страшно пострадали от болезни, да еще и передали проклятие потомкам вроде этого мальчика, обреченного до конца дней нести в себе угрозу зольнокровия.

Название возникло не случайно. Кровь заболевшего обращалась в тончайшую серую пыль, отчего люди чаще всего погибали... но порой вместо смерти наступала ужасающая трансформация. Первые беженцы из Истары, казалось, не пострадали от этой болезни... пока к одним из них не была применена ангельская магия, а другие не попробовали сами ею воспользоваться. Тогда-то и оказалось, что болезнь их не миновала, а лишь затаилась. При малейшем воздействии их кровь быстро обращалась в золу – и они погибали либо становились кошмарными тварями.

Теперь отверженцы всегда носили серое, под цвет древесной золы. Это делало очевидной их природу, не допускавшую соприкосновения с магией.

Большинство людей предпочитало по возможности избегать отверженцев, боясь заразиться; кому какое дело, что заболевали исключительно истарцы и потомки истарцев, – иных случаев никто не отмечал. В их крови дремали зачатки болезни... и неизменно передавались наследникам, даже когда второй родитель не являлся истарцем. Правду молвить, случались такие браки исключительно редко, по вполне понятным причинам.

Симеон зольнокровия не боялся. А вот монстров – очень даже. Всякий, кто в своем уме, их боялся. Отверженцы в этом усматривали скромное благословение, защиту от страхов узколобых людей, временами требовавших их поголовного истребления, просто чтобы уничтожить и болезнь, и все сомнения на сей счет. Вероятно, так бы оно и случилось, но страх побеждался худшим страхом: тронь отверженцев, и они сами воззовут к ангелам, чтобы стать монстрами.

Между тем чудища, возникшие в Истаре при самом начале эпидемии, оказались отменными долгожителями, а может, начали размножаться. Страна по-прежнему ими кишела, хотя они никогда не пересекали ни северных, ни южных границ. В остальном мире тревожные известия о появлении монстров возникали исключительно при соприкосновении отверженцев с ангельской магией. Обычно это происходило случайно.

Чудовищ всегда убивали как можно скорей, а трупы сжигали. Поэтому образцы их плоти являлись большой редкостью. Симеон никогда не видел звероловов своими глазами, лишь

читал об их анатомическом изучении. Последней по времени была книга самого магистра Делазана; тот вменял своими студентам в обязанность ее покупать. Книга представляла собой в основном компиляцию более ранних работ, однако содержала дюжину очень подробных гравюр, выполненных знаменитой Катариной Дехаллэ. Столь жизненно верные иллюстрации завораживали Симеона. Монстры представляли живыми, реальными, он не уставал удивляться разнообразию форм, размеров и обликов.

У звероловов текла в жилах та же странная, невероятно тонкая пыль, что и у погибавших от зольнокровия. Насколько Симеону было известно, магистр Делазан выдвинул гипотезу, что отверженцы могли нахвататься от звероловов еще каких-то болезней, доселе неведомых науке. И на каждом вскрытии пристально искал тому подтверждений.

Все равно осторожность необходима, сказал себе Симеон. Ему вспомнилась еще одна теория Делазана: кровь зверолода может оказаться катализатором, способным трансформировать даже неистарца. Поневоле забеспокоишься!

Нахмурившись, Симеон тронул образок Рекваниэля. Присутствие небесного заступника сейчас едва ощущалось: слоновая кость, прохладная на ощупь. Ближайшие несколько дней икона не годилась к использованию. И наверняка не защитит от болезнетворных миазмов, возможно источаемых телом чудовища.

Симеон снял через голову шнурок с иконой и упрятал в поясной кошель, носимый подальше от карманников, под студенческой блузой. В его случае это был скорее балахон – мешковатое, бесформенное одеяние из темно-синей шерстяной ткани, длиной до ляжек. Такого одеяния чурались студенты, заботившиеся о своей внешности. Щеголи предпочитали обычные докторские плащи, прикрывавшие отступление от формы; Симеона внешний лоск не заботил.

– Мне магистр велел бегом бежать, – следя за неторопливыми приготовлениями, сказал гонец. – Передай, говорит, чтобы живой ногой поспешал...

Симеон кивнул, вытаскивая из кошель другую икону. Эта была побольше и представляла собой кусок плотного дерева почти в ладонь шириной, с вызолоченными торцами и крупной булавкой с тыльной стороны, чтобы прикалывать к одежде. Икона являлась наследием его рода – могущественный артефакт, согласно преданию созданный знаменитым иконотворцем Чалконте семьсот лет назад. За семь веков икона ничуть не утратила силы, свидетельствуя об искусстве и мудрости своего создателя.

Она изображала Рекваниэля в каноническом облике чернокожего мужа средних лет. Подчеркнуто безоблачное чело, золотые глаза, золотой нимб... Авторы большинства икон тем и ограничивались. Заливали фон ровным цветом, хорошо если намечали небо и облака. Чалконте изобразил на заднем плане бастионы огромного города, причем не поскупился на детали. Симеону случилось рассматривать икону в мощную лупу, с помощью которой студенты изучали микробов в воде и крови. Ему удалось различить солдат на стенах, знамена, птиц в небе, выглядевших лишь точками для невооруженного взгляда.

Каким образом Чалконте удалось справиться с такой мелкотой? Симеон понятия не имел. Обучаясь применению ангельской магии, он освоил базовые техники иконотворчества, но всерьез этим искусством не занимался.

– Ну поторопись! Пожалуйста! – ныл мальчишка-гонец.

– Я и тороплюсь, – немногословно отвечал Симеон. Он приколот наследную икону на балахон, но немедленно звать к Рекваниэлю не стал. Икона обладала гораздо большей мощностью, чем та, которую предоставлял госпиталь, а значит, требовала куда большего сосредоточения. Прежде чем обращаться к ней, необходимо привести мысли в порядок.

Надежно укрепив икону, он жестом послал мальчика вперед, а сам двинулся за ним размеренным шагом. Правду сказать, ему хотелось кинуться во всю прыть, подобно юному отвер-

женцу. Сердце так и билось при мысли, что вот сейчас он не только увидит зверолода во плоти, но и вскрыет его, постигая, чем же монстры отличаются от людей.

Магистр Делазан дожидался его у дверей старого хранилища. Рядом замерли двое носильщиков-отверженцев, мужчина и женщина. Симеон не знал их, и это озадачивало. Оба резко отличались от обычных отверженцев, прислуживавших в больнице. Мужчина являлся здоровяком даже крупней Симеона, а такого не всякий день встретишь. Прямо громила из тех, что промышляли кражей и грабежом, болтаясь у речных пристаней и в Старом лесу на восточной окраине города. Женщина, тощая, жилистая, так и стреляла глазами по сторонам, высматривала, вбирала, запоминала. Обычные носильщики так себя не ведут. Те держатся стоически: ни на что не пожалуются, но и с места не сойдут без приказа. И, как все их племя, по возможности предпочитают не лезть на глаза.

Делазан на странных работников внимания не обращал. Он уже успел облачиться в длинный черный плащ, используемый докторами при кровавых операциях и для посещения заразных больных, а под мышкой держал длинноклювую маску с глазами-стекляшками; без сомнения, клюв до отказа наполняли свежая мята и другие душистые травы. На груди облачения было приколото несколько образов. Неизменного Рекваниэля сопровождали другие ангелы, назвать которых сразу Симеон бы не взялся.

Слуга-отверженец протянул Симеону такой же плащ и воронью маску. Магистр явно не собирался рисковать. Даже над обычными человеческими телами случалось, что ангельская магия не срабатывала, иконы внезапно тускнели, становились обычными разрисованными пластинками... даже в прах обращались. Земные средства предосторожности, конечно, не шли ни в какое сравнение, но некоторую дополнительную защиту все же давали.

По крайней мере, иллюзию таковой, подумалось Симеону.

Делазан всем своим видом выражал нетерпение. Губы поджаты, острый подбородок выставлен. Симеон в который раз подивился: и почему он бороду не отпустит? Хоть подбородок спрятал бы, да и бороды нынче соответствовали моде. Большинство магистров-мужчин хоть козлиную бородку, а вырастили. Появилось бы хоть какое-то возмещение за отсутствие волос на черепушке. Голова у Делазана была хоть и не совсем лысая, но похвастаться могла лишь тончайшим пушком. Сам он являлся далеко не самым старым магистром в больнице, но выглядел глубоким старцем. Симеон числил Делазана примерно ровесником своему деду. Он бы весьма удивился, узнав, что на самом деле тот был чуть моложе его отца, но скоро сообразил бы: магистра преждевременно состарило слишком частое обращение к ангельской магии. Вот к чему приводят амбиции!

– Твоя нерасторопность уже заставила меня задуматься, не следует ли отдать столь чудесную возможность, скажем, Юдит Демансур или близнецам Денилинам, – приветствовал Симеона магистр.

– Сударь мой, я торопился как мог, – сказал Симеон, принимая плащ и без промедления облачаясь. – Насколько мог... Стало быть, это зверолод?

– Да. По крайней мере, так утверждал... так утверждали... те, кто его приволок, – ответил Делазан. – Несчастье произошло близ Маларчи... там вытащили из воды почти захлебнувшегося отверженца и за отсутствием одежды не поняли, кто он такой. Проходивший мимо епископ попытался наполнить его легкие воздухом при посредстве Язарифиэля... как и следовало ожидать, утопленник превратился в монстра и был убит стражей епископа. По счастью, труп сберег... один мой старый знакомый. Он велел обложить останки льдом и соломой – и не жалеть лошадей. Перевозка заняла всего три дня... в общем, есть надежда, что передо мной самый свежий образец из всех, какие я препарировал. Надень маску... Рекваниэль, надеюсь, с тобой? Великолепная икона... вправду великолепная... полагаю, не из наших больничных?

– Моя наследная, магистр, – сказал Симеон. – Изначально досталась в подарок от короля.

Тут он покривил душой. Каким образом икона попала в семью, никто на самом деле не знал. Симеон соврал на всякий случай, поскольку в глазах Делазана зажегся огонек откровенной алчности. Особо древние и могущественные иконы оставались в большой цене, так что свою Симеон старался кому попало не демонстрировать. О магистре же в госпитале поговаривали, будто он был азартным игроком и успел порядочно задолжать. Один острый на язык второкурсник рассказывал Симеону, будто сам видел, как Делазан поставил на карту целую тысячу ливров... и проиграл.

Не то чтобы юноша думал, что магистр отважится на откровенную кражу. Просто... как-то лучше не искушать того, кто имеет власть над студентами, а сам в долгах как в шелках...

– Сейчас я призову ангела.

Симеон коснулся приколотой иконы и закрыл глаза. Чем сильнее была икона, чем большую связь предоставляла, тем трудней становился призыв. Несколько секунд Симеон удерживал предельное сосредоточение, вновь и вновь мысленно повторяя имя ангела и старательно отгораживаясь от всего окружающего. Приведя разум в порядок, Симеон шепнул вслух, но так тихо, что даже вплотную было не разобрать:

– Рекваниэль, Рекваниэль, явись мне на помощь!

Ангел откликнулся тотчас, увлекаемый красотой и мощью иконы. По всему телу Симеона пробежалось тепло, означавшее установление связи; даже сама икона озарилась прохладным светом: вспыхнула и тотчас пригласла. А в голове прозвучал шепот ангела, предназначенный лишь Симеону:

С тобою Рекваниэль. Чего ты желаешь? Если это в моей власти – будет исполнено.

– Огради меня от незримых существ, роящихся в воздухе, как тлетворные гуморы, – одними губами прошептал Симеон. Вернее, губы шевелились безмолвно, отвечая истечению мыслей. – Да не претерпит ущерба ни душа, ни тело мое...

Повеление исполнено, прозвучал неслышный ответ Рекваниэля. Известное время ты будешь неуязвим для крохотных хищников, неразличимых зрением смертным.

Тепло отхлынуло, но Симеон по-прежнему чувствовал присутствие ангела. Когда уйдет это чудесное ощущение в теле и остынет икона, будет убран щит Рекваниэля. Прежде Симеон всего дважды пользовался иконой, и оба раза щит продержался почти целый день. Много дольше, чем при вызове через слабенькую старую икону, выданную ему как студенту.

Симеон не впервые задумался, как удастся Рекваниэлю столь мощно опекать его, ведь того же ангела наверняка призывала и дюжина других студентов, трудившихся в прозекторской? Если верить ортодоксам, сила ангельского воздействия являлась постоянной величиной, не зависевшей ни от иконы, ни от количества одновременных призывов. Однако ощущения говорили иное, и Симеон почему-то верил им больше.

Открыв глаза, юноша встретил стеклянный взгляд маски, надетой магистром.

– Маску и перчатки, Симеон, – глуховато прозвучал голос Делазана. – Вы! Слуги! Оставайтесь за дверью. Без моего разрешения никого не впускать... Никого! Если придет кто-то, кого вам не остановить, стучите!

– Да, магистр, – сказал здоровяк-отверженец.

Угол рта у него пересекал шрам, какие бывают от ножевых ран. У отверженцев часто бывали рубцы. Симеон даже задумался, как это – получать раны и отметины, жить без надежды на ангельское вмешательство, избавляющее от уродства и боли? Но лишь на мгновение; мысль ненадолго задержалась в голове. Слишком велико было предвкушение, ведь прямо сейчас он начнет первый раз в жизни препарировать зверолода!

Делазан открыл дверь и жестом пропустил Симеона вперед. В помещении имелось всего одно окошечко, расположенное высоко на стене. По сторонам горело несколько фонарей, но их свет заливал лишь самую середину комнаты. Маска на лице изрядно мешала что-либо рас-

смотреть. Стекла на глазах, скверно расположенные, не отличались чистотой. Приходилось все время покачивать головой, компенсируя слишком узкое поле зрения.

На стенах виднелись почти пустые полки, повсюду лежала пыль. Когда-то здесь располагалось хранилище мазей, трав и простых препаратов. В те времена полки, небось, ломились от всевозможных баночек и горшочков. Позже выстроили новое, более просторное хранилище в другом крыле госпиталя. Это же, на четвертом этаже, оказалось еще и неудачно расположено, а потому с тех пор пустовало.

Сейчас посреди комнаты виднелся всего один большой сундук. Не менее девяти футов в длину, а в ширину и в высоту – по четыре. Крышка заколочена гвоздями, да еще и обмотана канатом в дюйм толщиной. Под дном натекла вода, медленно струившаяся в отверстие слива.

На боках сундука красовались бумажные уведомления: сундук являлся собственностью ордена Ашалаэли и был, соответственно, неприкосновенен. Уведомления скрепляли печати принца-епископа Маларчи, широкие круги красного воска с выдавленным гербом принца-епископа: золотая русалка на синем щите, удерживаемом серебряными ангельскими крыльями о шести частях, а наверху – митра из слоновой кости.

– Простите, сударь... но не стоило бы позвать кого-то облеченного властью... хоть служителя Ашалаэли, чтобы он печати снял? – спросил Симеон. Маска так глушила и искажала голос, что он сам себя не узнал.

– Об этом не беспокойся, – небрежно отмахнулся Делазан. – Я же сказал, тело мне старый друг прислал.

Симеон медленно кивнул. Значит, все не очень-то официально. Чему удивляться: предполагалось, что тела звероловов должны сжигаться без промедления. Да и кто решится использовать печать принца-епископа, не имея должных полномочий? Хотя... Да ладно. Ему-то какое дело? Он всего-навсего студент-медик под началом у старшего преподавателя...

– Давай снимем крышку, – жадно проговорил Делазан. – Я разрежу веревки, а ты бери гвоздодер. Печати можешь смело ломать.

– Да, магистр, – сказал Симеон и взял ломик, между тем как Делазан примерился к канату с ампутиционной пилой.

Симеон тоже волновался, гадая, что за монстр обнаружится внутри. Прежние записи различали по меньшей мере две дюжины несхожих существ. Одни близко напоминали людей, другие приближались к животным, третьи представляли собой странные гибриды зверей и людей. Симеон крепко надеялся, что лед не слишком истаял и тело сохранило относительную свежесть. Вскрывать, например, утопленников, разбухших в воде, было до крайности неприятно, и кто сказал, что с монстрами будет по-другому?

Последняя веревка лопнула с долгожданным щелчком. Симеон загнал ломик под крышку и налег изо всех сил, отжимая ближний угол и разрывая наклеенную бумагу. Он ждал, что изнутри сразу повеет разложением и даже травы в маске не отобьют воня... однако пахло по-прежнему лавандой и мятой, больше ничем.

– Другую сторону, мальчик мой! Шевелись! – окликнул Делазан. Его аж трясло от возбуждения, он чуть не прыгал с ноги на ногу. – Ну же! Глянем, наконец, что тут у нас!

Симеон живо расправился с другим углом. Оставшиеся гвозди продолжали крепко удерживать крышку – пришлось загонять лом в щель и приподнимать ее через каждые шесть дюймов. Наконец крышку получилось сдвинуть. Делазан, снедаемый нетерпением, схватился за один конец, Симеон – за другой, они налегли вдвоем и вскрыли сундук.

Внутри оказалось много соломы, но лед почти весь растаял. Судя по влажным следам на дереве, его запихивали крупными кусками. Теперь лишь маленькие ледышки плавали в трехдюймовом слое воды.

И конечно же, внутри лежал зверолов. Ростом около девяти футов. Отдаленно человекообразный. Все тело в жесткой щетине, как у хищных пауков с юга. Лицо, некогда чело-

веческое, превратилось в длинную звериную морду, в приоткрытой пасти виднелся двойной ряд некрупных, но жутко острых зубов. Короткие верхние лапы бугрились толстыми мышцами, пальцы завершались когтями. На ногах с невозможными суставами лежал остроконечный хвост. Ступни – трехпалые, на каждом пальце по грозному когтю, на пятках – кривые острые шпоры...

Глаза были оранжевые, с черными зигзагами зрачков.

И эти глаза двигались...

Делазан с Симеоном шарахнулись прочь. До обоих как-то сразу дошло, что зверолод был не просто жив. Его больше не сдерживали ни крышка, ни канаты, ни гвозди, ни даже плотный слой льда.

Делазан, в панике позабыв, что порождение Истары не подлежало ангельской магии, судорожно нащупывал икону, приколотую к плащу. Симеон обежал изножье сундука, стремясь к двери.

– Помогите! Помогите! Здесь чудище! – закричал он, и обычно низкий голос сорвался на отчаянный визг. Маска глушила и искажала его крик. Услышат ли за дверью?

Зверолод тем временем приподнялся и сел, рассыпая во все стороны ледяные обломки. Когти вцепились в бок сундука, оставив на дереве длинные борозды. Пасть приоткрылась, и монстр исторг невероятно тонкий, пронзительный вопль, от которого на стенных полках полопались немногочисленные оставшиеся банки.

Это был охотничий клич.

Прыжок...

Делазан с криком упал, все еще пытаясь призвать ангела себе в защиту. Миг спустя послышался жуткий звук разрываемой плоти. Зверолод вскинул окровавленную морду и вновь завопил.

Дверь перед Симеоном резко распахнулась. Ворвались двое странных носильщиков. У женщины в руках был небольшой арбалет, и она тотчас выстрелила в чудище, но болт отскочил от бугристой шкуры, не причинив вреда. Второй носильщик сгреб Симеона и вышвырнул в коридор, сам же выхватил из-под балахона здоровенный колун и заслонил женщину, лихорадочно перезаряжавшую арбалет.

– Беги, парень! – проревел здоровяк.

Симеоны повторять не потребовалось. Он со всех ног бросился прочь. Сорвав маску, отшвырнул ее прочь...

– На помощь! – кричал он. – Здесь чудище!..

5

В кардинальском дворце представлялось почти невозможным уйти от средоточия власти дальше Желтой Передней. Небольшая комната с шафрановыми обоями обычно давала приют четверке весьма незначительных писцов, больше занятых копированием документов, нежели формулировкой чего-нибудь важного. И никто из них, разумеется, даже не мечтал о личной встрече с ее преосвященством. Да что там – даже с кем-либо чуть повыше Третьего секретаря, номинально присматривавшего за их деятельностью.

Оттого понятны величайшее изумление и порядочная тревога Анри Дюпаллидэна, самого младшего из писцов, недавно занявшего эту должность, когда он поднял глаза от бумаг и едва успел обнаружить, что находится в комнате совсем один, – и тут-то дверь распахнулась. В Желтую Переднюю ворвался монсеньор Робард, наполнив ее аурой безапелляционной важности Первого секретаря кардинала Дюплесси, высшего служителя ордена Ашалаэли, правящего Архангела Саранса... а также, что, вероятно, даже важнее, главного министра королевы. Иначе говоря, де-факто верховного правителя страны.

– Э-э... день добрый, съёр, – вытягиваясь в струнку, приветствовал его Анри. Вскикивая, он так резко оттолкнул стул, что тот едва не опрокинулся, а на письме, которое он как раз переписывал, образовалось несколько клякс.

Робард был великолепен: камзол из золотой парчи, пурпурные рукава и штаны – кардинальские цвета. Он холодно и сурово взирал на юного Анри, испуганно таращившего глаза. Молодой писец был одет в том же духе, что и великий начальник, но неизмеримо скромнее. Вместо пурпура – приглушенный красный цвет, вместо золота – тусклый желтый, лишь очень великодушному человеку способный внушить какие-то ассоциации с драгоценным металлом.

– Где Даланцио и Деранэ? – рявкнул Робард. – И этот... как бишь его...

– Съёр Даланцио заболел гриппом, – поспешно кланяясь, ответил Анри. При этом он зацепил мягким местом все тот же многострадальный стул, едва вновь его не свернув. – Съёр Деранэ... толком даже не знаю. Она вышла некоторое время назад... Что же до третьего, простите, с ним я знаком лишь понаслышке. Я никогда не встречался со съёром Макаллоне.

– А сам ты кто?

– Анри Дюпаллидэн к вашим услугам, съёр.

– Давно работаешь у кардинала?

– С прошлой среды, ни днем более.

– Что это у тебя под носом? Усы или за завтраком перемазался?

– Усы пробиваются. – Анри невольно тронул пальцем губу и в который раз пожалел, что удался не в мать, темно-смуглую, с роскошными волосами... так нет же, родился вылитой копией деда по отцу. Бледная кожа, легко обгоравшая на солнце, и негустые рыжие волосы, никак не желавшие прорасти на лице... одна надежда на возраст. – Агриппа, по крайней мере, так утверждает.

Левая бровь Робарда поползла вверх. В нынешнем году Агриппа считался самым модным брадобреем в Лютейсе. Его цирюльню посещала высшая знать, высокопоставленное священство, богатейшее купечество. Ко всему прочему Агриппа был отверженцем, что делало его взлет еще примечательней. Он ведь не мог пользоваться ангельской магией в своем ремесле.

– Ну... то есть один из его помощников, – сознался Анри. – Но Агриппа, проходя мимо, мне согласно кивнул!

– Ясно, – сказал Робард, поглаживая собственную короткую, слегка выющую бородку. И, судя по густым завиткам, выбивавшимся из-под шапочки, он никогда не нуждался ни в заклинаниях, ни в особых маслах, должных обеспечить мужскую растительность Анри.

Юноша покраснел, но Робард, кажется, не собирался ни язвить, ни унижать его, в отличие от других писцов, тешившихся этим с момента появления здесь Анри. Сам Анри полагал, что так и должно происходить, – новеньких всегда травят, разве нет?

– Ладно. Раз уж ты здесь, а остальных не видать, быть может, ты справишься, – сказал Робард. – Итак, Анри Дюпаллидэн, твои родители...

– Мой отец – ризничий храма Хуараваэли в Адьене, – ответил Анри. Голова работала лихорадочно. С чем это от него требовалось справиться?

Брови Робарда снова чуть шевельнулись при упоминании об Адьене. Тот располагался в Баскони, а ее обитатели славились по всему Сарансу как вспыльчивые, неотесанные простаки.

– Моя матушка – съёр Перида Дюпаллидэн. У нее особняк прямо напротив того, что принадлежит герцогине Дамерсон. Они с ней кузины... – Анри помолчал и, решив про себя, что с главным помощником кардинала следовало соблюдать полную откровенность, добавил: – Скольки-то-юрродные. Герцогиня замолвила за меня словечко перед ее высокопреосвященством, вот я здесь и оказался. Сам я, правда, ее не встречал... герцогиню, я имею в виду.

– Ты второй ребенок? Или еще младше?

Вопрос выглядел вполне закономерным, ибо Анри явно не являлся наследником матери. Иначе его семья не обратилась бы к дальней родне с просьбой найти отпрыску хоть какое-то местечко. Сам он хотел стать солдатом. Конкретно артиллеристом: он имел талант к математике и неплохо управлялся со счетной линейкой, которой пользуются канониры. Однако для того, чтобы записаться в отряд Верных королевских артиллеристов, у него не хватало ни денег, ни связей. А происхождение из благородного, пусть и обнищавшего рода не позволяло и думать о подразделении попроще.

Так и получилось, что должность писца оказалась наилучшим вариантом, на который ему следовало надеяться. Он успел смириться с перспективой провести жизнь счетоводом в какой-нибудь пыльной конторе или управляющим в поместье захолустного вельможи – и тут мама умудрилась выхлопотать ему местечко непосредственно в Лютейсе, да какое! Аж на кардинальской службе. Ни на что подобное Анри уже и не надеялся.

– Эм-м... пятый, – ответил он Робарду.

Если учесть финансовые дела семьи, пришедшие в полный беспорядок еще до его появления на свет, заводить пятого ребенка представлялось рискованным. Владения матери были не из богатых, а жалованье отца, служившего ризничим в захудалом маленьком храме, едва могло прокормить его одного, куда там семью. Сколько Анри себя помнил, старшие братья и сестры, а то и родители постоянно напоминали ему: сам факт его существования являлся причиной тому, что вино на семейном столе появлялось не чаще раза в неделю.

– Что ж, – сказал Робард. – Идем со мной.

Анри кивнул и потянулся за кинжалом в ножнах, который, сидя на высоком табурете, он отстегивал ради удобства. Первые дни он являлся на службу при шпаге, но после заметил, что другие писцы так не делают, более того, посмеиваются над ним за глаза.

– Оставь, – сказал Робард. – И отряхни крошки с камзола.

– Слушаюсь, съёр, – ответил Анри, принимаясь яростно отряхиваться.

Сам он об этих крошках и не подозревал, между тем – вот незадача! – там присутствовал даже потек яичного желтка, по счастью малозаметный на общем фоне безвкусного желтого камзола.

– Куда мы идем? – спросил Анри, спеша за Робардом по коридору и то и дело едва не спотыкаясь о золоченые шпоры Первого секретаря.

– Мы встретимся с ее высокопреосвященством, – ответил Робард через плечо. – У кардинала есть для тебя поручение. Собственно, она хотела дать его кому-нибудь из твоих старших товарищей, но раз их нет под рукой...

Анри все же споткнулся. Замахал руками, чтобы не врезаться Робарду в спину, и вернул равновесие как раз вовремя, чтобы списать свой гимнастический маневр на радостное нетерпение по поводу встречи и поручения.

Его душа в самом деле то каменела, то взмывала под небеса. Проведя во дворце всего несколько дней, он уже знал, что кардинал даже мимоходом не заговаривала ни с одним из писцов, какое там к себе вызывать! Она пребывала на таких высотах власти, какие принято созерцать издалека. Ее приказы достигали ничтожных низестоящих вроде Анри, проходя множество уст разнокалиберного начальства. И хорошо: от великих следует держаться подальше, сохранней будешь. Привлекать к себе внимание Анри никак не хотел, тем более столь высокое. Вообще-то, может быть, и хотел... но не в этом же затрапезном камзоле!

– Иконы при себе есть?

– Э-э... нет, съёр, – ответил Анри. – Вот дома одна есть. Это всего-навсего Хуараваэль, семейный образок, старенький, потрепанный. Отец меня, конечно, ангельской магии обучал, как без того... так что я практикую помаленьку. Я и с некоторыми другими ангелами дело имел...

– Напомни-ка, – перебил Робард, – что подвластно Хуараваэли?

– В основном она ведаёт свойствами воздуха, – сказал Анри. – Ну там, дым убрать, еще что по мелочи... Она маленький ангел, притом местный, адьенский. Всего-то серафим.

– Я к тому, что, если тебя снова вызовут к ее высокопреосвященству, а это может случиться, все посторонние иконы должны остаться за дверью. Кардинал носит икону Ашалаэли, и меньшие ангелы, даже не будучи вызваны, слишком трепещут перед подобным величием. До такой степени, что образа, связывающие их с нашим миром, могут рассыпаться или сгореть. Помни об этом!

– Запомню, съёр, всенепременно запомню!

Робард больше не обращался к нему, лишь снова прибавил шагу. Анри поспевал трусцой, чувствуя себя безмозглой лошадей на чембуре. Ростом он превосходил Робарда, но демонстрировать это было как-то недипломатично. Он сутулился, а потом и вовсе слегка присел, заведя впереди парадную лестницу, начинавшуюся в центральной приемной. Все на ней было огромного размера: золоченые перила, багрово-красный ковер. На нижних ступенях плотным строем стояла стража из числа поборников кардинала. С алебардами, в полированных кирасах на пурпурно-золотых поддоспешниках, в гребнистых шлемах-морионах, украшенных золотой насечкой.

Надо ли говорить, что прежде Анри и близко к этой лестнице не появлялся. Обычно по ней лишь высшие чиновники ходили. Простые смертные, которым требовалось попасть вниз или вверх, теснились на боковых лестницах в восточном и западном флигелях.

И вот стражники расступились, салютуя алебардами, и Робард зашагал вверх по ступеням. Анри держался по возможности ближе к нему, лишь разогнулся немного, услышав, как один алебарщик шепнул другому:

– Что еще за горбуна секретарь с собой притащил?..

Робард тоже это услышал. Придержав шаг, он покосился на Анри – на него, а не на стражника, ведь поборники являлись самыми доверенными и ценными людьми в кардинальской свите. Покачав головой, пошел дальше.

Делать нечего, Анри выпрямился во весь рост, да таким резким движением, что чуть не полетел со ступенек. И последовал за Робардом, только мышцы в шее напряглись – он держал голову высоко, борясь с отчаянным стремлением съежиться, стать мишенью поменьше. Четверо старших братьев его давно к этому приучили. Похоже, для внешнего мира требовалась иная стратегия...

Пока он старался успокоиться, они достигли третьего этажа и проследовали через несколько просторных, роскошно обставленных комнат. Повсюду толпились служащие карди-

нала, сплошь более значительные и лучше одетые, чем Анри, а также просители, слишком важные, чтобы ожидать аудиенции внизу. Некоторые пытались перехватить Робарда, но он лишь отмахивался и шагал дальше. И все они смотрели на Анри, как на бродячую собачонку, непонятно как увязавшуюся за секретарем.

Наконец Робард остановился перед двустворчатыми резными дверьми в дальнем конце высокой сводчатой комнаты. Вдоль стен замерла в ожидании дюжина писцов, каждый с висящей на шейной цепочке переносной дощечкой для письма, чтобы можно было приступить к работе в любом месте и в любой час. Двое из двенадцати усердно писали, а результатов их труда ждали посыльные – юноши и девушки, готовые тотчас мчаться с запиской. Остальные стояли в различных позах, но все имели вид людей, привыкших к периодам долгого ожидания, перемежаемым лихорадочной деятельностью.

Резные двери охранялись парой поборников в формах, но без кирас, при шпагах и пистолетах за поясами.

– В первый раз на прием к ее высокопреосвященству, – указывая на Анри, сказал Робард.

Стражи выдвинулись вперед. Мужчина взял запястья Анри и заставил поднять руки. Юноша подчинился, и женщина его обыскала. Сильные пальцы начали с задников башмаков и отправились вверх. Анри вздрогнул, поежился – ощупывания не избежали ни ягодичцы, ни пах. Руки стражницы проникли под камзол, под рубашку... не особенно чистую, ведь камзол ее прикрывал... пробежались по шее и, как гребнем, взъерошили волосы до самой макушки.

– Оружия нет, – завершила обыск стражница. – Икон тоже.

– В волосах-то что могло оказаться? – спросил Анри и тотчас пожалел, что раскрыл рот.

– Удавка, к примеру, – ответила женщина.

Анри кое-как изобразил улыбку. Охранница не улыбнулась в ответ.

Робард постучал в дверь.

– Входи.

Робард распахнул двери и вошел. Анри нервно сглотнул, замешкавшись на пороге. Стражница подтолкнула его в спину, шепнув:

– Вперед! Она не ест на завтрак тощих писцов!

Анри практически ввалился в комнату, сумев на лету превратить свое почти падение в пусть неуклюжий, но весьма прочувствованный поклон: припал на колено, склонив голову почти до пола. И принялся изучать узор на толстом ковре, с перепугу не способный ничего другого увидеть, а тем более понять.

– Итак, Робард, кого ты мне привел? Не припоминаю, чтобы видела его прежде среди своих писцов...

Анри отважился чуть приподнять голову, но не взгляд. Сперва он различил богато расписанные стены, резные, красного дерева ножки нескольких кресел и камин с уложенными дровами, но незажженный – было лето, день стоял теплый, – наконец, письменный стол в углу. Тот самый, знаменитый, инкрустированный слоновой костью кардинальский письменный стол (недруги утверждали, будто кость была человеческая). Трепеща, Анри еще чуть-чуть приподнял глаза... и узрел *ее*.

Кардинал Дюплесси была выше и худее Анри и состояла, похоже, из одних длинных костей. Она показалась ему невероятно рослой: стоя возле стола, ее высокопреосвященство возложила на костяную поверхность изящную руку в кольцах с иконами. На ней было пурпурное платье, перехваченное золотым поясом. С пояса свисала икона, тотчас приковавшая все внимание юноши, да и кто бы не взгляделся в нее! Она обладала размерами не более трех дюймов на два... простая раскрашенная деревяшка. Ни яхонтов, ни жемчуга, ни позолоты. Ни оклада, ни драгоценных украшений по краю. А изображала она... Анри сморгнул, глаза заслезились. Он смотрел прямо на икону, но взгляда почему-то сосредоточить не мог. Там,

конечно, находился лик, но запомнить его не удавалось. И нимб ярче солнца... как вообще возможно нарисовать подобное?

Не подлежало сомнению, что это была икона Ашалаэли. Правящего Архангела Саранса. Одного из наиболее могущественных ангельских существ, чья власть не ограничивалась отдельными действиями или вещами, но лишь пространством.

Способный успешно воззвать к Ашалаэли – что требовало невероятно могучей воли, сосредоточения и колоссального опыта в использовании ангельской магии – мог поистине творить чудеса, ибо в пределах Саранса Ашалаэль обладала всемогуществом.

И цена за чудотворение была соответствующая.

Анри поморгал еще... и наконец присмотрелся к лицу кардинала. Она, кажется, забавлялась, что его снова встревожило. Еще он заметил, что ее лицо покрывал густой бледно-пурпурный грим. Грим слегка потрескался возле глаз и в уголках рта, открывая смуглую кожу. Серебряные волосы кардинала, зачесанные назад, связывала пурпурная лента, падавшая на плечо. На голове красовалась синяя бархатная шапочка с золотым украшением, означавшим герцогское достоинство и королевскую службу; ибо у кардинала хватало и мирских должностей, она оставалась главным министром королевы, сколько бы король ни пытался ее известить. К шапочке была приколотая икона, и ее-то Анри смог непосредственно рассмотреть. Она являла ангела из высших, незнакомого юноше, изображенного в виде улыбчивой женщины-матери с младенцем на руках. Вот только у женщины на плечах красовалась лошадиная голова, а у малыша – жеребьячья. Все остальное выглядело вполне человеческим. И нимб лучился над головой ребенка, а не матери. Так вот кто был ангелом!

Несмотря на грим, прятавший морщины, кардинал выглядела старше своих лет, что, без сомнения, стало следствием прибегания к высшей ангельской магии. Возраста кардинала Анри навскидку припомнить не мог, знал только, что она была ровесницей его отца. Стало быть, сорок четыре... а выглядела самое малое на шестьдесят.

– Это Анри Дюпаллидэн, из адьенской ветви семьи, дальний родственник Дамерсон, – сказал Робард. – На службе с прошлой среды. Он там один сидел. Надо будет с Дюбарри об этом поговорить...

Дюбарри была Третьим секретарем. Анри с ней встречался, когда только пришел на работу. Она вручила ему удостоверение и часть первой месячной зарплаты, удержав остальное по некоторым неясным причинам, после чего направила в Желтую Переднюю, велев делать то, к чему его там приставят. Этим он с тех пор и занимался.

– Дюпаллидэн... разрешаю приблизиться.

Анри к ней не то чтобы подошел, скорее подтек, по-прежнему низко склонившись. Поцеловал кардиналу руку... вернее, подышал в нескольких дюймах над иконными кольцами, после чего вновь замер на коленях.

– Встань, – мягко проговорила кардинал. – Итак, теперь ты у меня на службе. Ты уже принял обет?

– Лишь как мирянин, в-ваше в-высокопреосвященство, – заикаясь, выговорил Анри. – Я присягнул Ашалаэли, когда приступал... Я не хотел... то есть не знал... не был уверен, что духовный сан обязателен... такой серьезный шаг...

– Его отец – ризничий в храме Хуараваэли, ваше высокопреосвященство, – пробормотал Робард.

– А-а, той адьенской дымопрогонницы, – сказала кардинал. – Но сам ты по пятам отца идти не желаешь?

– Пока не созрел, – сказал Анри дипломатично. Хотя про себя ощущал уверенность: что угодно, только не вечная бедность ризничего в крохотном храме затерянного городка.

– Хм-м-м-м, – протянула кардинал. Наклонила голову, глядя на Анри так, будто собиралась вернуть негодную покупку. – Мне служат очень многие, Дюпаллидэн... Писцы и чинов-

ники дворца, мои поборники... еще уйма народу в Лютейсе, по всему Сарансу и за его пределами. Мои люди исполняют всевозможные поручения, необходимые для блага людей, для защиты Саранса и во имя прославления Ашалаэли, нашего великого Архангела, защитника и спасителя.

Анри с готовностью закивал, желая показать кардиналу: в нем, как ни мал он, надежнейшая ее опора. Ее и Ашалаэли, величайшей среди ангелов, главнейшей защитницы всех саранцев. А если говорить совсем откровенно, Анри рад был предложить свою верность всякому, кто даст ему возможность обрести надежное положение.

– Порой задания бывают трудны и опасны, – продолжала кардинал. – Порой... испытывают в ином смысле.

Кивки Анри замедлились: что-то он не понимал, куда клонит кардинал.

– Я не вполне уверена, что в данном случае мне подойдешь именно ты, – сказала кардинал.

Пока она говорила, Анри ощутил теплое прикосновение ангельской магии, веяние незримого крыла. Вскинув глаза, он увидел в руках Дюплесси икону, которой не замечал прежде. Она была одной из двенадцати, вделанных в серебряный браслет, который едва виднелся из рукава платья. Анри понятия не имел, к какому ангелу она возвала и что тот сделал, лишь заподозрил, что его посетил один из Престолов, умевших распознавать правду и считывать поверхностные мысли.

– Я бы хотел... я хочу послужить вам чем только могу, ваше преосвященство!

Слова вырвались как бы помимо сознательной воли Анри, перехлестнув плотину здравого смысла, твердившего: что бы она ни собиралась ему предложить, это окажется нечто сомнительное, нечто, мягко говоря, с двойным дном.

– Я знаю, Дюпаллидэн, – сказала кардинал. – Я знаю...

Она сверху вниз смотрела Анри в лицо, и он снова почувствовал тепло ангельской магии, этакое легкое дыхание у лица, не вызывавшее в нем отторжения. Где-то вдалеке, на грани слуха, прозвенела серебром арфовая струна. А потом за правым глазом ледяной иглой кольнула боль, заставив его вздрогнуть.

– Ты знаешь Звездную Крепость? – спросила кардинал.

– Эм... да, ваше высокопреосвященство, – пробормотал Анри, силясь сморгнуть боль.

Кто же ее не знал?

Звездная Крепость возвышалась в северо-восточном углу Лютейса. Возводили ее уже лет тридцать. Ее сердцевиной и основанием служил громадный утес, чуть-чуть не дотягивавший до того, чтобы называться холмом. Много веков там стояла одинокая башня. Изначально выстроенная в качестве дозорной, последние столетия она являлась крайне мерзкой тюрьмой и называлась попросту Башней.

Тридцать лет назад королева Анриетта Четвертая велела заключить скалу вовнутрь современной крепости. Послали к принцу Бароньо, наняли известного инженера по имени Варианна. Она спроектировала современные валы, бастионы и рavelины – земляные, обложенные кирпичом. Рвы, которые предстояло вырубить в камне, с водоводами, устроенными так, чтобы рвы заполнялись водой из реки. А также систему подвалов, оружейных и складов, частью заглубленных в скалу, частью врытых в грунт.

План Варианны также требовал сноса Башни, поскольку та перекрывала зону обстрела пушек северо-восточных бастионов. Однако различные политические силы воспротивились – и Башня стояла поныне. В план внесли и другие изменения, из-за которых Звездная Крепость перестала являться образцовым артиллерийским фортом, задуманным Варианной.

Все эти недостатки, равно как и незавершенность, во многом происходили из-за того, что крепость поделили (по причинам опять-таки политическим) между мушкетерами королевы, гвардией короля, поборниками кардинала и городской стражей Лютейса.

Каждое подразделение получило себе по бастиону и рavelину и долю ответственности (с этим у них получалось не очень) за Циферблат – миниатюрный городок, выстроенный внутри укреплений. Как будто для того, чтобы еще больше все усложнить, громадные железные и бронзовые пушки и орудия помельче, всякие кулеврины, сакеры и фальконы, разбросанные по бастионам, передали под эгиду отряда Верных королевских артиллеристов.

Хотя крепости было предназначено стать неприступным оплотом внутри города, в народе образ Звездной Крепости как-то не увязывался с делами войны. Древняя Башня, окруженная новейшими укреплениями, по-прежнему доминировала и в силуэте города, и в мыслях его жителей. Названия «Звездная Крепость» и «Башня» уже канули в забвение, и стоило помянуть одно либо другое – первым, что приходило на ум, оказывалась «тюрьма».

– Ответственный пост, который я хотела поручить одному из твоих коллег по Желтой Передней... – задумчиво продолжала Дюплесси, – находится в Башне.

Анри тщетно пытался не показать, насколько у него захватило дух. Как он был счастлив получить задание от кардинала! Происходившее казалось первым шагом на пути к финансовой состоятельности, в целом к приемлемому будущему – ни того ни другого он не знал никогда. Более того, открывалась возможность когда-нибудь перейти на иную службу... возможно, даже стать офицером-артиллеристом. Но вот что касается тюрьмы под названием Башня... одна мысль о том, чтобы в ней работать, внушала ужас.

– Требуется новый писец для записи того, что мои дознаватели выясняют у заключенных, – сказала кардинал. – Пост Второго помощника допросного писца очень важен.

Анри сглотнул. Он знал: большая часть допросов осуществлялась при помощи ангельской магии... Но порой, однако, это не срабатывало. А кроме того, попадались узники-отверженцы, к которым ангельская магия была вообще неприменима. Это значило, что Второму помощнику допросного писца придется присутствовать при пытках. Записывая все, что пытаемый прокричит или простонет, перемежая свои показания безуспешными просьбами о пощаде... а после – мольбами о смерти.

Как бы то ни было, ему предлагали должность, имевшую название. А значит, гораздо более весомый оклад... первую ступеньку к чему-то намного большему...

– К должности прилагается квартира, – добавил Робард, пристально наблюдавший за юношей. Он не добавил «в Звездной Крепости», хотя Анри понимал: так оно, скорее всего, и будет.

Теперь они смотрели на него оба. Кардинал – бесстрастно, с лицом до того неподвижным, что Анри ничего не мог на нем прочесть. Робард глядел с легким презрением. Кажется, он считал, что разговор слишком затягивается. Зачем кардинал что-то объясняет юнцу, когда в ее власти попросту приказать?

– Я лишь хочу послужить вашему высокопреосвященству... – проговорил Анри. Голос дрогнул, но все же он выдал остальное: – Всем, чем только могу.

Кардинал смотрела на него сверху вниз. Анри пытался следить за ее лицом, не встречаясь глазами, но не получалось. По спине пробежал озноб, и он опустил голову ниже.

– Нет, – сказала наконец кардинал, и голову Анри вновь пронзила ледяная игла. Это ангел снова коснулся его разума, сообщив Дюплесси все, что удалось обнаружить. – Нет. Ты не подходишь. Думаю, нам нужен кто-то...

Она оставила фразу незавершенной, и Робард спросил:

– Кто-то постарше, ваше высокопреосвященство?

– Более изработавшийся, – сказала Дюплесси. Ее голос звучал холодно и отстраненно. – Нет, я не могу использовать тебя, Дюпаллидэн.

И небрежно шевельнула рукой, отпуская его. Для Анри этот жест отозвался жуткой несправимостью.

– Вы отстраняете меня от службы вам, ваше высокопреосвященство? – в отчаянии проблеял юноша. Вскинув голову, он устремил ей в лицо умоляющий взгляд. Ему стало физически плохо, к горлу поднялась желчь – пришлось сглотнуть и стиснуть зубы покрепче. Если она его выгонит, это конец. Нищета. Или смерть на дорожной обочине при попытке вернуться к семье...

– Нет, что ты, – сказала кардинал. Она улыбалась. Хотя движение ее губ и не сопровождалось ни малейшей теплотой в глазах, Анри испытал превеликое облегчение. – Я не выбираю клинок из-за того, что он оказался недостаточно закален. Я велю его перековать...

Она чуть нахмурилась, глядя на Робарда.

– Переастор докладывает, что Дюпаллидэн очень хорош с цифрами, – сказала она. – Приставь его к Дютремблэй. Вторым помощником; может быть, землемером. Там проку от него будет побольше, чем в Желтой Передней.

– Как прикажете, ваше высокопреосвященство, – ответил Робард.

Он замахал рукой на Анри, и тот попятился к выходу из комнаты.

– Найди тех других писцов, – подходя к костяному столу, уже поднимая бумаги и наполовину думая о другом, сказала кардинал. – Посмотрю на всех разом и выберу наиболее подходящего.

Робард наклонил голову и последовал за Анри к двери, приостановившись только затем, чтобы ухватить юношу за локоть и развернуть его, чтобы он шел нормально, а не крался задом наперед.

Покинув кабинет кардинала, Робард подозвал одного из младших писцов. Девушка подбежала, на ходу раскрывая дощечку для письма, что висела на шее, готовя перо и откупоривая чернильницу.

– Ее высокопреосвященство пожелали отправить этого малого вторым помощником к Дютремблэй, – сказал Робард. – Составь ему предписание.

Анри эти слова едва расслышал. Он еще смотрел на двери только что покинутого чертога. Один из стражников-поборников ему подмигнул, но он не заметил. Он еще переваривал неожиданную аудиенцию... и столь внезапное повышение.

Другое дело, что он понятия не имел, в чем заключается это самое повышение... и куда, собственно, его посылают. Он повернулся к Робарду и стал ждать возможности обратиться к нему.

– В Желтую Переднюю он не вернется, – деловито продолжал тот. – Да, и передай Дидину, чтобы собрал тамошних писцов, кроме вот этого, и предъявил мне. Немедленно!

Девушка низко поклонилась, и вместе с ней Анри. Когда он выпрямился, Робард уже обнаружился в середине зала. Только золотые шпоры сверкали в лучах света, струившегося из высоких окон.

– Вторым помощником к Дютремблэй, – торопливо водя пером, проговорила писец. – Приступить сегодня же... с окладом в шестнадцать ливров за календарный месяц плюс...

– Шестнадцать ливров! – вырвалось у Анри. Сумма вчетверо превосходила его нынешнее жалованье.

– Плюс пособие на жилье в размере восемнадцати ливров в квартал, выплатить авансом, – продолжала писец. – Впрочем, столько тебе вряд ли понадобится, ведь жилье у тебя будет...

– Жилье? – спросил Анри.

– В Звездной Крепости, – сказала писец.

– В...

– В Звездной Крепости. Тебе повезло, это не в казармах поборников, поскольку Дютремблэй предпочитает, чтобы ее подчиненные...

Она помедлила. Анри смотрел круглыми глазами. Он слышал, что она говорила, но разум отказывался усваивать не очень-то приятные новости, обрушившиеся сразу после финансового благовеста. Относительного, конечно, но на его-то безрыбье...

– Звездная Крепость, – повторила писец. – Дютремблэй...

Анри что-то проквашал. Неужели он превратно понял разговор с кардиналом? И его все-таки определили в тюремную башню помогать допросным писцам?..

По счастью, служительница привыкла к тому, что люди выходят от кардинала потрясенными, неспособными связно выразить свои мысли. Она верно поняла, что имел в виду юноша.

– Дютремблэй – архитектор королевы! Она присматривает за возведением нового дворца на Циферблате. У тебя будет комната в уже отстроенной части.

Анри снова издал невнятный звук.

– Циферблат! Самый центр Звездной Крепости. Парень, ты откуда вообще?

– Дамерсон, – пробормотал Анри. В голове царила звенящая пустота, комната кругом легонько покачивалась. Пришлось сделать глубокий вдох, чтобы качание прекратилось.

– Это где?

– В Адъене.

– А это где?

– В Баскони, – сознался Анри.

Писец фыркнула. Дописав бумагу и присыпав песком, чтобы подсушить чернила, выдала Анри два документа.

– Вот, держи, – сказала она. – Это твое удостоверение, а это – платежное поручение. Жалованье и подъемные за первый месяц получишь у казначея, когда тебе будет удобно. Я бы советовала поспешить: сейчас почти четыре, завтра – День святого Тархерна, все будет закрыто...

Вечером Анри Дюпаллидэн шагал домой, как принято говорить, усталый, но довольный. Ему вот-вот предстояло освободить крохотную квартирку на самом верху дома госпожи Тревье, торговли пряностями, которая, будучи чем-то обязанной герцогине Дамерсон, не драла три шкуры за жилье с дальнего родича благотельницы.

В целом день удался, рассуждал про себя Анри. Да, случилось несколько моментов, когда у него сердце в пятки уходило. И вообще его чуть не приставили записывать вопли бедолаг в пыточном застенке. Ну да дело все равно кончилось Звездной Крепостью, но ведь не тюрьмой же. Надо думать, ему не запретят входить-выходить?..

А с чего я это взял, вдруг подумал Анри. Вдруг мне велят все время там торчать? Или будут выпускать редко и ненадолго?

Полностью уйдя в раздумья, он не смотрел по сторонам, когда внезапно чужая рука ухватила кошелек, столь приятно оттягивавший его пояс. Отреагировать Анри не успел. Шнурок оказался перерезан, кошелек как не бывало. Крутанувшись, Анри схватил пустой воздух и уже собрался заорать: «Держи вора!..», ибо заметил ребенка в сером тряпье отверженца: нырнув под брюхо лошади, тот кинулся удирать в узкий переулок. Скроется – нипочем не найдешь!

Однако крик Анри так и не прозвучал, лишь зубы лязгнули, когда рот захлопнулся от изумления. Как ни проворен был воришка, женщина-прохожая оказалась быстрее. Она перехватила беглеца, оказавшегося, кстати, беглянкой. Вывернула преступную руку и отобрала кошелек, и все это одним мгновенным движением. Малолетняя воровка схватилась было за нож, но и вторая рука оказалась вывернута.

– Все в порядке, господин! – крикнула женщина, высоко поднимая спасенный кошелек и напутствуя тощую девчонку пинком, а также неким словом вполголоса. Каким именно, Анри не расслышал, но девка побледнела и рванула прочь, даже не подхватив с мостовой маленького острого ножичка для срезания кошельков.

Анри озибался в недоумении. Прохожие кругом отводили глаза и спешили прочь по своим делам, подтверждая его подозрения: здесь происходило нечто весьма странное. Анри недавно жил в городе, но дураком не был. Ворья здесь хватало, уличные кражи оставались самым обычным делом, и прохожие предпочитали не вмешиваться. За исключением случаев, когда не ощущали для себя ни малейшей опасности либо оказывались друзьями или любящими родственниками пострадавшего. Так вот, неожиданная заступница Анри – судя по серому плащу и такому же головному платку, сама из отверженцев, – видимо, имела отношение к преступной верхушке... либо очень далека от здравого смысла.

– Ловите, господин! – воскликнула она и бросила кошелек.

Анри рефлекторно поймал его, а женщина скрылась в том самом переулке, куда шмыгнула воровка.

– Никогда не видел подобного, – пробормотал кто-то рядом с Анри. Но, повернувшись, он не определил говорившего. Людской прибой улицы Глазиривщиков вернулся к обычному ритму, обтекая Анри, словно опасную скалу.

Юноша покрепче сжал кошелек в руке и влился в течение. Теперь он пристально вглядывался в людей, высматривал щербинки в мостовой под ногами... как ему и следовало бы вести себя, прежде чем его попытались обворовать.

Вот только рассудок никак не мог отойти от удивления. С какой стати взрослой отверженке понадобилось перехватить беспризорницу из числа своих же, покусившуюся на его деньги?

Наконец он догадался, и сразу стало легко. Его камзол, потасканный, замурзанный и в целом премерзкого цвета, изобличал в нем человека, находящегося на службе у кардинала. На особом счету. Похоже, длинная рука ее высокопреосвященства и впрямь защищала. Даже от уличного воря.

6

Агнес попыталась смягчить хватку на рукояти рапиры. Наклонила кисть, расслабила пальцы. Она привыкла к перчаткам из тонкой лайки, а здесь им выдали здоровенные краги из буйволовой кожи, из-за которых рука становилась громоздкой и двигалась медленно. И сама рапира была длиннее и тяжелее ее собственной. Да еще и затупленная, тогда как ее ухоженная шпага резала волосок на лету...

Однако экзамен следовало сдавать с тем оружием и перчатками, которые ей достались. И притом правой рукой, хотя Агнес в целом предпочитала левую. Запрещалась и магическая помощь. Поэтому единственная икона в распоряжении Агнес, образок Яшенаэля, была заткнута под шляпную ленту и сейчас лежала в углу комнаты вместе с плащом и, соответственно, со шляпой. Хотя все, что Яшенаэль умел, – это разогнать тьму. Да и то лишь в новолуние или когда луна находилась в первой четверти либо в последней. Что взять с маленького херувима, обладателя очень ограниченной власти!

– Нападай! – воскликнула наставница по фехтованию, и ее клинок со звоном и скрежетом чиркнул по мостовой внутреннего двора. Агнес знала: это лишь попытка выманить ее на необдуманную атаку. Зря, что ли, два года назад, в их последнее посещение Лютейса, мама водила ее посмотреть один из показательных боев наставницы Францони. И, судя по всему, первая шпага мушкетеров королевы ничуть не утратила тогдашней убийственной скорости.

– Перчатка слишком велика, – захныкала Агнес, старательно подпуская в голос жалобных ноток.

Кончик ее рапиры смотрел в землю, дескать, и оружие слишком тяжелое, не поднять. Тем не менее, договаривая последнее слово, девушка взвилась пружиной, делая выпад, нацеленный прямо в сердце Францони. На долю секунды даже показалось, что атака удалась... но рапира тотчас была отбита с яростной силой, и вот уже Агнес пятилась, отчаянно отбиваясь, отклоняясь туда и сюда... Очень скоро ее рапира зазвенела, прыгая по камням, а сама фехтовальщица схватилась за ушибленную руку.

Если бы она позволила так же быстро обезоружить себя в настоящем бою, сейчас уже испускала бы дух, заливая кровью мостовую.

– Восемнадцать секунд, – сказал великан, смахивавший на рыжего медведя. Он обладал медно-смуглой кожей, а в черных волосах и бороде бродили красноватые отблески, точно перебивы жара в остывающих углях. На нем красовался такой же черный, с серебряной отделкой налатник, что и на Францони, – форма мушкетеров королевы. Только размеры его налатника позволяли уверенно предположить, что из него вполне получилась бы палатка для Агнес.

– Ты слишком быстро считал, – сказала Францони. – Впрочем, твои достижения весьма похвальны, Сестуро. Я даже не заметила, как ты губами шевелил.

– Я в уме считал, – невозмутимо отозвался мужчина. – И вообще, я много упражнялся... Если угодно, запишем двадцать секунд.

Агнес затаила дыхание. Первый экзамен состоял в том, чтобы продержаться не менее трети минуты в поединке против Францони, мастера фехтования.

Францони посмотрела на Агнес. Та пыталась согнать с лица выражение, делавшее ее – как она сама считала – похожей на щенка, надеющегося на подачку со стола мастера шпаги.

– Насчет «великоватой перчатки» – это было неплохо, – заметила преподавательница.

– И мне понравилось, – прогудел Сестуро.

– Она слишком молода...

– Мне почти восемнадцать! – выпалила Агнес и, помирая от стыда, тотчас добавила: – Простите, мастер.

– А еще импульсивна. И неотесанна.

Агнес стиснула зубы, давя готовые вырваться протесты. Да, она басконка. Там же и выросла. Но ее мать была не только отставным мушкетером, но и баронессой Дескарэй, из древней и благородной семьи, главный представитель коей удостоился беспримерного права раз в год посылать королеве черную розу, испрашивая милость в ответ. Черных роз в природе никогда не существовало, но все равно какая высокая честь!

– Может, в гвардию короля... – задумчиво проговорил Сестуро.

Агнес закусила губу, чтобы не выкрикнуть «нет!!!». Гвардия короля – вот уж всю жизнь мечтала! Все знали, что мушкетеры королевы превосходили гвардейцев со всех сторон, особенно в фехтовании. Если Францони сейчас выгонит Агнес, в гвардейцы она не пойдет ни под каким видом! Пусть туда записываются молодые хлыщи из вельмож, которым только бы в пух и прах наряжаться, а не воевать по-настоящему!

– Или к кардиналу, – сказала Францони.

Агнес усилием воли разгладила лоб, пытавшийся угрожающе сморщиться. По ее мнению, поборники кардинала были еще хуже гвардейцев. Все знали: они не настоящие бойцы, скорее маги, предпочитающие ангельскую магию, а не добрую сталь. Кроме того, они являлись не просто солдатами кардинала, а еще полицейскими и шпионами, и этим заниматься Агнес ни под каким видом не собиралась. К магии у нее имелся врожденный талант, она обучалась пользованию иконами, но собиралась прокладывать себе путь в этом мире самостоятельно, а не возноситься к высотам своих мечтаний на плечах ангелов.

Агнес Дескарэй, капитан-генерал мушкетеров королевы...

Однажды она услышит эти слова, сказанные вслух. И не в шутку.

Но все-таки... если сейчас Францони ее отвергнет... Агнес подавила дрожь и постаралась натянуть на лицо маску бесстрастия, как у самой преподавательницы. Что делать, если ее не возьмут в мушкетеры, Агнес просто не знала. Наверно, останется лишь помереть. Она выйдет из переднего дворика дворца королевы – и примется вызывать на дуэли самых грозных головорезов, каких только найдет. По крайней мере, все кончится быстро. Ни позора, ни бесславного возвращения домой...

– Для кардинала она недостаточно унылая, для гвардии – недостаточно смазливая, – сказала Францони. – Еще примут за одну из своих лошадей...

– Это если сзади смотреть? – спросил Сестуро и уставился на Агнес.

Девушка стиснула кулаки, упрятанные в нелепые перчатки. Однако с места не двинулась. Не швырнула перчатку в лицо мастеру, не кинулась с кулаками на Сестуро.

Она знала, что слава красавицы или даже просто хорошенькой ей отнюдь не грозила. Кое-кто считал, что у нее лицо длинновато, а коричневая кожа и черные волосы вызвали ассоциации с гнедой лошадиной мастью, весьма распространенной в Сарансе. Ну и пусть. Все, что не мешало сражаться, не имело для Агнес никакого значения.

Правда, оскорблений своей персоне она не допускала, вне зависимости от повода. В том числе из-за внешности.

По крайней мере, обычно не допускала.

– Нет, – сказала Францони, и по лицу, точно порыв ветра по тихой воде, пробежало нечто похожее на улыбку. – На самом деле ничего лошадиного. Ни с головы, ни с хвоста. Пожалуйста, извини нас, Дескарэй. Я это сказала, только чтобы посмотреть, сможешь ли ты проглотить оскорбление.

– Смогу, но только здесь и сейчас, – чопорно ответила Агнес. – При других обстоятельствах не проглочу.

– Я также приношу извинения, – слегка поклонился Сестуро. – Твоя матушка не предупреждала, что мы начнем шпильки вставлять?

– Матушка была немногословна, – ответила Агнес. Помедлила и добавила: – Она призвала меня брать пример с Трюффо, а не с Гумбольдта.

Сестуро расхохотался, а на лице Францони вновь мелькнула стремительная улыбка. Трюффо и Гумбольдт были главными комическими персонажами пьесы «Месть лягушачьего короля», классики саранского театра. Трюффо, прямой и невозмутимый, вечно самым последним реагировал на происходившее и неизменно становился объектом шуток Гумбольдта. Этот последний был в полтора раза умней, но постоянно ввергал их обоих в неприятности и несчастья.

– Итак, – сказала Францони. – Королева в целом одобрила твою кандидатуру, из уважения к твоей матушке конечно. Ты же... исключительно компетентна в фехтовании, куда лучше большинства. Осталось пройти последнее испытание.

Вот тут Агнес уже не удержалась, сдвинула брови. Еще испытание?! Про добавочную проверку ей мама ничего не говорила...

– Сестуро?

Агнес нахмурилась круче. Францони отступила к стене зала, Сестуро же поднялся со стула и направился к Агнес. Он оказался еще огромней, чем выглядел сидящим. Выше девушки не менее чем на фут и много, много тяжелее. При чем сала на нем не имелось – под налатником угадывались сплошные мускулы.

– Не царапаться, не кусаться, – сказал великан. – Захочешь сдать – просто хлопни ладонью по полу.

– Мы что, бороться будем? – спросила Агнес. Голос так и норовил сорваться на писк, что ей весьма не понравилось.

– Ага, будем, – сказал Сестуро. – Никто не сможет стать мушкетером, покуда не уложит меня на лопатки в бою без оружия.

– И надолго надо вас уложить? – спросила Агнес. Говоря так, она понемногу пятилась и шарила взглядом по сторонам, ища что-нибудь... что угодно, способное помочь.

– Да просто уронить, и довольно, – ответила Францони. – Невыполнимых заданий мы тут не даем.

Агнес потихоньку обошла Сестуро кругом. Возможно, он медлителен, подумала она, пристально наблюдая за каждым его движением. Люди подобных габаритов редко способны к быстроте. Если она сорвет дистанцию, обовьет ногами его лодыжки и скрутит...

Медлительным Сестуро не был.

Агнес только успела изготавиться для броска, когда он сам прыгнул вперед и огромный кулачище коснулся ее головы. Бросок превратился в падение, и гигант-мушкетер подхватил девушку за мгновение до того, как она рухнула на каменный пол и покалечилась сильнее, чем от его кулака.

– Сестуро! – воскликнула Францони. – Ну нельзя же так бить!

– Да разве я бил? – пророкотал великан. Он бережно уложил Агнес наземь, стащил с нее огромные краги и подсунул ей под голову. – Уже в себя приходит.

Агнес сморгнула, втянула воздух, закашлялась. Несколько мгновений ей не удавалось сообразить, что вообще происходит. Над ней стоял огромный мужчина-мушкетер. У него за спиной просматривалась стройная мушкетерша...

Потом все встало на место. Агнес тихо зарычала и попробовала подняться, но Францони шагнула к ней, нагнулась и с легкостью удержала.

– Нет, – сказала она. – Теперь до вечера отдыхай. Слуги тебя проводят в покои.

Агнес посмотрела на нее и вновь попыталась подняться, но не смогла. Голова болела, взгляд никак не удавалось сфокусировать.

– Я... я провалилась? – выговорила она.

– Вообще-то, не я на полу, – сказал Сестуро каким-то странноватым тоном.

Агнес больше не пыталась подняться. Ее почти захлестнуло отчаяние: все, конец, поражение... Но эта нотка в голосе Сестуро прозвучала как некий намек.

Оба мушкетера королевы смотрели на нее, ожидая чего-то. Какого-то действия... Это явно был последний шанс, но она едва могла двигаться, и у нее точно не имелось ни малейшей возможности сбить Сестуро с ног. Ни ударом, ни ловким приемом.

...Хотя это могло оказаться вовсе не испытанием навыков. Это она так предположила. И перешла к делу, а Сестуро лишьотреагировал подобающим образом. Агнес поймала его взгляд и, как могла, сфокусировалась на нем, преодолевая пульсирующую боль в голове.

– Съёр Сестуро... вас, похоже, разгорячило движение... не желаете ли... не желаете ли прилечь и слегка охладиться? – слабым голосом выговорила Агнес.

Сестуро насмешливо скривил губы, покосился на Францони. Та решительно кивнула.

– Какое позорище! – прогремел бас Сестуро. Гигант сперва припал на колено, потом горной лавиной обрушился на пол и вытянулся во весь рост, раскинув руки. – Меня валяет в пыли какая-то деревенская новобрица...

– Это ваша любезность вас сокрушила, – тихо сказала Агнес. Откинулась на перчаточную подушку, и все тело охватило невыразимое облегчение. Даже головная боль отступила. – За что я премного вам благодарна...

– Добро пожаловать в ряды мушкетеров королевы, кадет Дескарэй, – сказал Сестуро, поднимаясь с таким долгим вздохом, словно его нагло разбудили ни свет ни заря. Подал руку Агнес и, когда та ее приняла, без малейшего усилия поставил девушку на ноги.

– Все же ты до вечера полежи, – сказала Францони. – Я пошлю в госпиталь за одним из докторов-магистров. А то ведь Сестуро у нас такой, даже его легчайшие удары без последствий не обходятся...

Она вытряхнула из раструба краги бронзовый жетончик и засунула его в поясной кошель Агнес.

– Это тебе пропуск в Звездную Крепость через ворота у шлюза. Явишься в казармы после завтрака, только не очень рано.

Агнес кивнула, и от простого движения к горлу подкатила желчь. Отчаянным усилием она заставила себя сглотнуть, пытаясь удержать равновесие и сражаясь с головокружением. Сестуро поддержал ее под локоток.

Францони дважды хлопнула в ладоши, и этот резкий звук заставил Агнес вздрогнуть. Мощные дубовые двери со стоном распахнулись, и вошла четверка слуг с носилками. Как и все занятые тяжелым однообразным трудом, они являлись отверженцами, чья серая одежда предупреждала окружающих об их несовместимости с ангельской магией: случись кому применить ее к ним – результаты, скорее всего, окажутся смертельными. Либо для мага, либо для объекта воздействия... а может, и для обоих.

– Доставьте съёр Дескарэй в ее покои, – распорядилась Францони. – Ты живешь в гостинице у доброго Хобарна?

– Да, – еле слышно ответила Агнес, по-прежнему донимаемая позывами тошноты. – У Хобарна, на улице Скороходов. Не надо мне носилок...

Отверженцы как раз приблизились с оными, но Агнес от них отмахнулась. Выпрямилась во весь рост и даже отодвинулась от поддерживающей руки Сестуро.

– Я вполне способна дойти до «Головы грифона», – сказала она, вскидывая подбородок. – Только я не стану в постели валяться. Я напыюсь! И буду в кости играть!

– Вот и отлично, – сказал Сестуро. – Мушкетерам приличествует бедность. Это заставляет нас злее сражаться!

Агнес скосила на него глаза, потому что голову поворачивать было больно.

– Я выиграю, – уверенно заявила она. – Доброго дня вам, съёр Сестуро, съёр Францони. До завтра!

Агнес низко поклонилась обоим, разогнулась, едва не свалившись, и неверной походкой отправилась забирать свои перчатки, шляпу, шпагу и плащ. Прижав неуклюжий сверток

к груди, она зашагала прочь... угодила прямиком в стену рядом с дверьми, медленно сползла по стене и осела на пол, почти лишившись сознания.

– Какое упорство, – сказал Сестуро. Поглядел на свой кулак и добавил: – Я правда старался стукнуть едва-едва...

– Итак, доставьте съёр Дескарэй в ее покои, – повторила Францони.

Отверженцы послушно кивнули. И, подобрав новоиспеченного мушкетера королевы, без особых церемоний взвалили на носилки – вместе с имуществом.

– Сколько там еще соискателей? – спросил Сестуро.

– Дюжина, – ответила Францони. Она провожала глазами носилки с Агнес. – Перспективных, похоже, ни одного. Но эта Дескарэй... вот из кого получится отменная фехтовальщица!

7

Университет Бельхоллы включал не один десяток строений, двориков и садов на левом берегу реки Лейре. Когда-то давно он представлял собой едва ли не отдельный городок: кругом возделанные поля, к северу город... и попасть туда можно было только на лодке. За столетия над рекой выгнулись мосты, а город раздвинул границы. Теперь Бельхоллу со всех сторон охватывали его защитные стены.

Среди многих университетских зданий наибольшей известностью пользовалась Ротонда. Ее огромный купол из стекла и меди, выстроенный с немалой ангельской помощью, хорошо просматривался за многие мили. Под куполом располагалась ведущая иконотворческая мастерская Саранса, а может, и всего известного мира. Дневной свет, проникавший сквозь широкие панели окон, заливал тесные круги рабочих столов, расходившиеся от центра к дальним стенам, – в общей сложности четыреста мест. Внешние круги занимали студенты. Чем ближе к середине, тем выгодней было освещение. Там трудились если не гениальные, то, по крайней мере, старшие мастера.

В самом центре Ротонды, прямо под маковкой шестнадцатифутового купола, стоял верстак, называвшийся Пробирным. Здесь ученики предъявляли свои выпускные работы в надежде получить ранг магистра. Стать магистром Бельхоллы означало признание в качестве ангельского мага первого ранга.

Иногда великие и просто добрые университетские мастера собирались вокруг Пробирного верстака для другой цели, и тогда студенты за внешними столами смотрели на них с благоговением, порой же – со смесью скепсиса и негодования.

Сегодня студенты отсутствовали. Ротонду закрыли, у каждого входа стояли на страже прокторы-надзиратели, а возле Пробирного верстака собралось шесть человек. Сама ректор, двое из четырех прокураторов, ученый проректор и университетский епископ. Шестой была жизнерадостная с виду невысокая девушка с кожей глубокого коричневого тона и темными задумчивыми глазами, в синем студенческом балахоне поверх чего-то похожего на кожаное одеяние конюха – редкое зрелище для Ротонды. Она держала в руке угольную палочку для рисования, а на столе перед ней лежали острый нож, каким пользуются создатели икон, и жесткий пергаментный лист, а также раскрытая книга – первый из пяти томов иллюстрированного ангелария «Обитатели небес» Марсью – основополагающего справочника иконотворцев.

– Ты не знаешь этого ангела? – спросила ректор. Это была суровая дама лет шестидесяти в длинном черном одеянии с шафрановой каймой, как и требовало ее положение. К платью было приколото с полдюжины иконных брошей.

Слово «знаешь», употребленное ректором, в данном случае означало установленную связь с ангелом, чью икону маг уже успешно создал либо создавал в настоящий момент. Налаживание этого изначального «знания» часто занимало дни, недели... а то и месяцы и даже годы, когда дело касалось могущественных небожителей. Постижение ангела представляло собой хорошо известный процесс, не терпевший поторапливания.

По крайней мере, так всегда внушалось большинству ангельских магов.

– Не знаю, ваша милость, – отвечала девушка.

Ее звали Доротея Имзель, ей едва исполнилось восемнадцать, и она была в Ротонде студенткой первого курса. Правда, успела поучиться в менее значительном университете Трамерейна... и не просто поучиться, а выпуститься всего-то в шестнадцать, что являлось совершенно неслыханным делом. Вот потому-то она и стояла сейчас здесь, в сердце Ротонды, в окружении светил Бельхоллы: всему виной был талант (некоторые утверждали – всего лишь фокус), продемонстрированный в Трамерейне и ныне подвергавшийся испытанию.

– Я открыл книгу не глядя, пролистнул страницы и выбрал случайный разворот, – сказал ученый проректор. Он тоже был облачен в черную официальную мантию, лишь отороченную не золотом, а дорогим мехом; икона же на виду имелась всего одна – небольшая камейка, вделанная в эфес его кинжала, различного в боковом разрезе мантии. – На момент выбора студентки Имзель здесь не было, то есть она никоим образом не могла вмешаться в процесс. И я не чувствую ангельских присутствий никакого рода.

Остальные разглядывали разворот. Всю левую страницу занимало изображение серафима: человеческий облик, пестрая черно-синяя кожа, узнаваемые шесть крылышек и нимб, вместо золотого света сотканный из алых языков пламени, переплетенных наподобие лаврового венка. На правой странице теснился печатный текст с рукотворными украшениями сусальным золотом и кошенилью, оттенявшими в основном имя ангела и заглавную буквицу описания.

Ангела звали Камизиэль, и она ведала гневом. В основном ее призывали для усмирения беспорядков или отдельных разошедшихся буянов, способных дойти до убийства. Реже – чтобы вытащить впавшего в меланхолию человека из бездны уныния.

– Очень хорошо, – сказала ректор. – Итак, серафим... Если преуспеешь, цена окажется не столь высока. Присту...

Договорить слово «приступай» ректор не успела – возле главного входа поднялся шум. Прокторы пытались не пустить кого-то внутрь, но когда узнали пришедшую – расступились и пропустили ее.

Доротея оглянулась через плечо... и ее спокойное сосредоточение впервые оказалось поколеблено. Когда главы университета заинтересовались ее необычным талантом и потребовали демонстрацию, она не слишком разволновалась. Только удивилась – и откуда прознали? – а беспокоиться не беспокоилась. Это была всего лишь ее способность, которой сама она никогда большого значения не придавала, не считая, будто отличается от других чем-то интересным или особенным. Правда, один из ее прежних учителей советовал ей не слишком распространяться по поводу необычного дара, равно как и о других вещах, которые она могла делать... Так она большей частью и поступала. Не сказать чтобы из осторожности или страха, просто она не обращала особого внимания на свои способности и порой вообще о них забывала.

Доротея всего лишь хотела рисовать и делать иконы. Конкретное применение ангельской магии и в целом вызов ангелов ее не слишком интересовали. Ей просто нравилось создавать образа. Трамерейн, а ныне Бельхолла казались девушке едва ли не раем: здесь она могла день-деньской изучать чужое иконотворчество и заниматься своим. Ей даже не приходилось готовить еду или стирать – она могла полностью посвятить себя искусству.

Лишь теперь Доротея с запозданием осознала, что столь благословенное существование могло оказаться под угрозой – как раз из-за их интереса к тому странному таланту... а они еще не знали об остальных! И университетская верхушка – еще полбеды. Женщина, приближавшаяся по проходу между столами, представляла собой персону совсем иного порядка. Даже звон ее шпор и покачивание рапиры в ножнах на левом бедре, казалось, источали угрозу.

Она была очень рослая, темные волосы покрывала широкополая шляпа с красным пером. Лицо хранило суровое выражение, взгляд источал холодность. Со лба до челюсти пролегал длинный шрам, тянувшийся через глаз: без ангельского вмешательства женщина определенно лишилась бы левого глаза и носила бы повязку. Кожа у нее имела цвет темного золота, шрам представлял собой тонкую белую линию. Словно кто-то рассек бронзовую грушу, а потом сложил вместе в бездарной попытке спрятать разрез.

Хотя опасная дама не была облачена в накидку поборницы кардинала с изображением девятичастных крыльев Архангела, ее приверженность достаточно обозначали пурпурный оттенок куртки и значок на шляпной ленте: золотые архангельские крылья и над ними митра в короне – эмблема кардинала Саранса. Высокому рангу отвечал золотой шарф через плечо, а

квалификации как ангельского мага – множество иконных колец. Это уже не говоря про образа в виде брошей и поясных блях, частично перекрытых шарфом.

По мере того как женщина подходила, Доротея ощущала дрожь и трепет двух своих маленьких, слабых икон – точно как и в присутствии икон ректора. У нее имелись всего лишь образа Драмиэля и Хорсинаэля – двух серафимов весьма ограниченного могущества. Первый в какой-то мере очищал кровь, что, кстати, неплохо убирало похмелье. Второй ведал связью между жидким и твердым: создатели икон часто взывали к нему, ускоряя подсушивание шпа-клевки.

Маленькие серафимы затрепетали бы перед любым иным ангелом, но Доротея сразу заподозрила, что новоприбывшая служительница кардинала имела при себе иконы Сил, а то и Князей. И, стало быть, вполне могла оказаться куда моложе примерно тридцати лет, на кото-рые намекала ее внешность. Могучие ангелы, чьей силой она распоряжалась, вызывали преж-девременное старение.

Доротея никогда прежде не видела эту женщину, но в том, кто она такая, никаких сомне-ний не оставалось. Многие студенты Бельхоллы либо почитали, либо демонизировали ее – все зависело от их амбиций и политических пристрастий.

Ее фамилия была Рошфор. Звание – капитан поборников кардинала Дюплесси.

– Надеюсь, я не опоздала, – сказала Рошфор, снимая шляпу и раскланиваясь с ректором.

– Нет, – коротко ответила та, в то время как остальные отдали поклоны. – Впрочем, в зависимости от того, зачем вы здесь, капитан. Кардинал требует меня к себе?

Рошфор надела и расправила шляпу.

– Никак нет, мадам ректор, – проговорила она. – Я, как и вы, пришла посмотреть на занятный фокус новой иконщицы. Ты же, как я понимаю, Доротея Имзель? Из университета Трамрейна, а до того училась в Даррозе? Мать – Джения Имзель, отец официально неизвестен, неофициально же всей провинции известен как Дестранж, граф Даррозы?

– Именно так, съёр, – снова поклонилась Доротея. – Все верно до последнего слова.

– Твоя мать известна как создательница икон высшего класса, – сказала Рошфор. Гово-рила она холодно, отчего слова звучали как комплименты, тон же – наоборот. Что и подтвер-дила следующая фраза: – А вот отец – отнюдь.

Доротея нахмурилась: это что, оскорбление? Да, ее титулованный отец не являлся ува-жаемым человеком. Его в лучшем случае считали веселым и смазливym идиотом. Даже сама Доротея и ее единоутробные братья и сестры полагали именно так. А мать в ответ на вопросы, как же она умудрилась родить от Дестранжа, лишь посмеивалась: сама, мол, в толк не возьму. У нее вправду имелась слабость к не слишком умным красавчикам, другое дело, что не от всех она детей заводила... да и вообще ни с кем надолго не оставалась.

– Прошу, студентка Имзель, продолжай, – сказала ректор. В стенах ее собственного уни-верситета никто не лишит ее почвы под ногами. Даже правая рука кардинала.

– Я постараюсь, съёр, – пожала плечами Доротея, невольно припоминая старого учителя и его предостережение. – У меня... у меня не всякий раз получается.

– Начинай, – приказала ректор.

Кивнув, Доротея уставилась на картинку, слегка расфокусировав взгляд и как бы вбирая изображение все целиком – не столько видимый образ, сколько ощущение от него, – и одно-временно начала мысленно произносить имя ангела. Особым, лично придуманным образом: так, будто его звал кто-то другой, она же лишь повторяла сказанное воображаемым невидим-кой. Звучало в какой-то мере безумно, иные посоветовали бы ей в самом деле не спятить, но на самом деле это был лишь технический, сознательно осуществляемый прием. Он никогда не запускался без конкретного мысленного приказа. И не работал без видимого изображения.

«Камизиэль... Камизиэль... Камизиэль...»

Постепенно рядом с ней начались ангельские проявления. Легкий шелест шести крыл, теплый, щекоотный ветерок на лице... Остальные тоже это почувствовали. Последовал быстрый обмен взглядами. Кто-то был впечатлен. Кто-то встревожился.

Доротея постаралась не показать, что может не только слышать и чувствовать, но и напрямую *видеть* явившегося ангела. Ибо давно уяснила: это свойство считается весьма необычным, а значит, лучше держать его при себе. Ее рука пришла в движение, девушка начала рисовать. Уголек летал над бумагой, и его тихий шорох был единственным звуком, нарушавшим полную тишину. Ангельское присутствие было очевидно для всех – а ведь Доротея не касалась икон!

Присутствие росло и усиливалось, впрочем не достигая полного проявления. набросок приобретал узнаваемые черты Камизиэли, какой та была изображена в книге. Доротея видела нечто совершенно иное, но это никого не касалось.

Бросив уголек, она схватила ножик и сделала крохотный прокол на тыльной стороне кисти, уже пестревшей множеством белых маленьких шрамов от предыдущих уколов. Показалась кровь. Доротея вооружилась тонкой кистью и с той же быстротой, с какой водила угольком, повторила рисунок собственной кровью, напитывая черные линии красным.

Кровь была необходима для закрепления иконы.

Все время, пока длилась работа, Доротея мысленно выкрикивала имя ангела.

«Камизиэль! Камизиэль! Камизиэль! Камизиэль!»

Захлопало множество крыльев, донесся звук арфы: прежде чем удалиться, Камизиэль выражала свое одобрение. Икона, сработанная наспех и куда грубее, чем полагалось, была признана успешной, и ангел собирался ей отзывать.

Доротея осела на пол, хватая ртом воздух. Она зажимала прокол большим пальцем, чтобы остановить кровь. Подняв глаза, девушка увидела, как все разглядывали ее работу... и все хмурились. Особенно Рошфор. Лоб капитана собрался морщинами, и только шрам оставался неподвижным.

– У меня приказ от ее высокопреосвященства. Если студентка Имзель делом подтвердит свой... талант, ради ее собственной безопасности она должна быть препровождена в Звездную Крепость.

И капитан вытащила из рукава тугий пергаментный свиток, чтобы вручить его ректору. Та, развернув, быстро прочла.

– Мне жаль, – сказала она, передавая документ Доротее. – Это полностью подтвержденное и заверенное письмо о заключении под стражу.

– Куда?... – спросила Доротея.

– Ты станешь гостьей ее высокопреосвященства, – сказала Рошфор.

– Я не понимаю, – сказала Доротея. Кое-как поднявшись на ноги, она оперлась о верстак. Перед глазами все плыло. – Это лишь прием, который чаще всего не срабатывает... мне только в четвертый... то есть в пятый раз удалось... Какое отношение странности иконотворцев имеют к кардиналу?

– Видно, ты плохо учила историю, даже историю своего ремесла, – сказала Рошфор. И указала рукой в пурпурной перчатке в направлении главного входа. – Нас ждет экипаж.

– Но моя работа... мои кисти, инструменты... книги, одежда...

– Все необходимое будет тебе предоставлено, – сказала Рошфор. – Идем. У меня еще других дел полно.

– Что вы имеете в виду – историю не учила? – спросила Доротея.

Отлепившись от стола, она сделала несколько неуверенных шагов к двери. Рошфор не ответила, шагая прочь, – лишь ножны постукивали да шпоры звенели. Доротея с мольбой оглянулась на руководство университета.

Все, кроме ректора, отводили глаза.

– Ты не первая, кто продемонстрировал такую... э-э-э... способность, – сказала ректор. Помедлила и добавила: – Те, кто обладал ею в прошлом, не всегда... пользовались ею разумно. Иногда же она означала наличие еще иных возможностей... также нежелательных к использованию. Впрочем, я уверена, что с тобой, дитя, все будет в порядке и со временем ты к нам вернешься.

Прозвучало это так, словно она старалась сама себя убедить. И Доротея ни на миг ей не поверила. Кивнув, она пошла дальше, сосредотачиваясь на том, чтобы не упасть при очередном шаге. Создание грубой иконы, по обыкновению, вымотало ее, и все же она не могла не обдумывать столь странную перемену своих жизненных перспектив. В частности, что же теперь станет с ее разными начатыми, но еще не законченными иконами? У нее лежало в работе несколько собственных икон, а еще она соученикам помогала... Что теперь с ними будет?

– Шевелись, милочка! Поживей! – окликнула с порога Рошфор.

Прокторы держали створки раскрытыми, и Доротея видела других людей, ждавших снарядов. У всех были пурпурные накидки и такие же шляпы с красными перьями. Блестели эфесы рапир, серебряная насечка на пистолетах... Кажется, снаружи дожидался целых отряд поборников, несколько десятков человек.

Усталым шагом, спотыкаясь, Доротея достигла двери. Как только она вышла наружу, моргая на солнечный свет, прокторы захлопнули окованные дубовые двери у нее за спиной, как бы подтверждая изгнание, делая его окончательным.

Поборники схватили ее за руки. Кто-то сорвал с ее платья иконную брошь, стащил с пальца икону Хабрилизеля, вынул из ножен поясной ножичек. Все оказалось сделано очень ловко и быстро, без насилия, но весьма устрашающе.

– Это всего лишь предосторожность, – сказала Рошфор, не глядя, впрочем, на Доротею.

Холодный взор капитана ощупывал толпу студентов, ученых, университетской прислуги и разных зевак, болтавшихся на южной стороне широкого бульвара, что вел от Ротонды к мосту Деррико. Всем им, конечно, требовалось знать, что привело сюда не только поборников кардинала, но и одну из карет ее высокопреосвященства – алую, на желтых колесах, запряженную шестеркой серых коней в пурпурной сбруе. И это не говоря уже про саму Рошфор!

Среди сплошной синевы школярских балахонов и более тусклых нарядов служащей братии серым пятном выделялась четверка отверженцев. Эти стояли отдельно, потому что никто не хотел тереться с ними вплотную. Немного странно было видеть их стоящими в праздности. Обычно они спешили туда и сюда, потому что черная работа не переводилась.

Доротея узнала всех четверых. Отточенный глаз художницы выделил знакомые черты даже под капюшонами, даже под полумаской, надетой одним из них для сокрытия какого-то уродства. Эти самые отверженцы всю неделю стригли кусты у нее под окошком, определенно не стараясь завершить дело как можно скорей. Теперь вот вышли сюда. И, хотя на бульваре и вообще кругом Ротонды кустов не имелось, все четверо так и держали в руках длинные садовые резак.

Еще один поборник, стоявший и наблюдавший вместе с Рошфор, заметил взгляд капитана, устремленный на отверженцев. Повинуясь едва заметному жесту начальницы, он двинулся в сторону садовников, кладя руку на меч. Но не успел он сделать и трех шагов, как они подались прочь. Торопливо зашагали, затем откровенно побежали, виляя между студентами и возмущенными магистрами. Они стремились к переулку между сторожкой колледжа Святого Антония и университетской конюшней.

– Именем кардинала, стоять! – проревел поборник, выхватывая длинноствольный пистолет. Стрелять, однако, не решился – отверженцы слишком глубоко проникли в толпу. Еще несколько секунд, и они пропали из виду.

– Возьмем их, съёр? – с готовностью предложил поборник. – Послать всадников в задние дворы Святого Антония.

– Нет, – сказала Рошфор. – Просто предупреди ученого проректора, что здесь бродят приспешники Ночного Короля. Без сомнения, кражу готовят... Та длинная, в надвинутом капюшоне, – почти наверняка Гризельда, смотрящая за попрошайками и карманниками на площади Демартена. Передай Дебепревалю и другим лейтенантам стражи: арестовать ее, как только появится. И мне доложить немедленно!

– Слушаюсь, сэр.

Рошфор вновь занялась Доротеей:

– Идем, карета ждет. Да не трясись так!

– Я не от страха дрожу, – с удивлением ответила девушка. – Это все работа над иконой... Она отнимает больше сил, чем вызов. Правда, лишь временно. Постоянного ущерба, кажется, не причиняет...

Рошфор смотрела на нее, прищурившись.

Доротее было не до того, чтобы мериться с ней взглядами. Она размышляла о воздействии на нее «набросков» – так она называла создание своих эскизных икон. Да, работа порожила разом наваливающуюся усталость, но, кажется, не старила ее, как было свойственно вызыванию. Правда, рисовать могущественных ангелов она еще не пыталась. И вообще, судя по всему, с излюбленной техникой придется повременить. Пока не станет действительно необходимо.

– Странная ты, – наконец проговорила Рошфор. – Большинство из тех, кого я препровождаю в Башню или в Звездную Крепость, не просто трясутся...

– Э-э... простите? – спросила Доротей. Занятая своими мыслями, она расслышала лишь что-то про Звездную Крепость.

Она попыталась припомнить все слышанное про городской форт. Когда она только приехала в Лютейс, крепость всплывала в каких-то разговорах, но она все пропустила мимо ушей... Хотя нет, не все. Главное ей все же запомнилось. А именно: арестанты, отправленные в Звездную Крепость, обратно не возвращались.

– Я сказала, что большинство людей, которых я отвожу в Звездную Крепость, и трясутся, и даже более чем, – сказала Рошфор. – Особенно те, кто отправляется в саму Башню.

– А-а, – протянула Доротей. – Оно и понятно. Туда ведь и Делайнс заточили, верно?

Эверил Делайнс находилась в фаворе у королевы, но ее выдали кардиналу как изменницу на жалованье у альбийского короля Этелинга. Которому она продавала частные письма монархини.

– На некоторое время, – ответила Рошфор.

Тут Доротей вспомнила еще кое-какие подробности. В глубоких недрах скалы, на которой зиждилась Башня, в тайной пещере имелась плаха палача. Обрубок древнего дуба, укрепленный ангельской магией до твердости железа. Сколько шей опускалось на эту плаху, ожидая взмаха топора... или меча, если ты принадлежал к знатному роду вроде Делайнс. Поговаривали, правда, будто в последний момент та приподняла голову... и оказалась в итоге не просто обезглавлена – рассечена на множество кусков, потому что палач обозлился и пошел кромсать как попало.

– Все же не понимаю, за что меня арестовывают, – нахмурилась Доротей. – Как-то оно беззаконием отдает...

– Кардинал естественным образом приглядывается ко всем, кто обнаруживает талант вроде твоего, – ответила Рошфор, за локоть направляя Доротей к карете. Хватка была жесткая, грозящая синяками, но Рошфор руку не разжимала. – Тебя задерживают ради твоей же безопасности. Это никоим образом не арест.

– Как ни назови, суть одна, – сказала Доротей, устраиваясь на сиденье. По счастью, там имелись подушки – в отличие от голых досок, на которых она тряслась всю дорогу из Трамрейна до Лютейса. – Очень удобная карета.

Рошфор посмотрела на нее с подозрением: уж не сарказм ли?

– Я тут подумала – я ведь никогда не видела Звездную Крепость вблизи, – добавила Доротея. – Башню, конечно, замечала... издалека. Приехав сюда, я выделила полдня, чтобы места посмотреть. Знаете, такая специальная прогулка для новых студентов. Правда, северней Материнского моста мы не ходили. Видели храм Ашалаэли, дворец королевы, дом короля, городскую тюрьму... запаматовала, как она называется...

– «Бережок», – подсказала Рошфор. Она все не сводила глаз с Доротеи, но смотрела уже не подозрительно, скорее слегка ошеломленно.

– Точно, «Бережок». Я еще подумала – сыро там, наверно...

– Так и есть, – сказала Рошфор. – Правда, большинство узников предпочло бы оказаться там, а не в Башне.

Она хлопнула ладонью по потолку кареты. Мгновением позже колеса зарокотали по мостовой.

Доротея зевнула. «Набросок» дался ей даже тяжелей, чем сперва показалось. Свернувшись калачиком в уголке, она тотчас заснула.

Рошфор лишь головой покачала, словно не веря собственным глазам. Арестантка, направляемая в Башню Звездной Крепости с предписанием посадить под замок, – причем без суда, что, возможно, означает пожизненное заключение! – спит себе сладким сном, будто ей и дела нет до происходящего...

8

– Говоришь, у *больничной носильщицы* было при себе что-то вроде... мелкого арбалета? – спросила лейтенант городской стражи – крутая на вид бледнолицая женщина с подозрительным взглядом. Почерневшую кирасу покрывали вмятины, на сине-кремовых штанах и куртке – следы долгой носки. Ее укороченная алебарда стояла прислоненная к стенке, но лейтенант знай постукивала пальцами по древку, словно проверяя для верности, на месте ли оружие.

– Ну да... именно так, – ответил Симеон. – У второго – тесак. А мне они велели бежать. Я выскочил за дверь... оттуда такие вопли раздались... даже не знаю, это тварь визжала или кто-то из них!

– Тварь – это зверолод из ящика, присланного из Маларчи?

– Да, – ответил Симеон. – По крайней мере, так магистр мне сказал. Лед внутри весь растаял... а эта жуть внутри совсем не мертвая оказалась...

– В комнате не было никакого ящика, – сказала лейтенант. – Никакого чудища, ни больничных носильщиков, ни магистра Делазана. Лишь большая лужа крови на полу... и еще вот это.

Она показала ему две половинки бумажного листа, провозглашавшего сундук собственностью ордена Ашалаэли, не подлежащей вскрытию иначе как прямым повелением принца-епископа Маларчи, чья восковая печать свисала с нижней части бумаги. Сломанную печать покрывали трещины.

– Значит, ты срезал это с ящика? – спросила лейтенант.

– Да, – кивнул Симеон, но тотчас распознал ловушку. – По непосредственному приказу магистра. Я еще спросил, не обратиться ли сперва к служителю Ашалаэли...

– Но все же срезал, не так ли?

– Да, – ответил Симеон. – Как я и говорил, лишь когда магистр...

– Поскольку это единственное преступление, определенно подтверждаемое твоим личным признанием, Симеон МакНил, я тебя арестовываю за надругательство над официальным документом, а также для допроса по поводу возможного убийства магистра Делазана...

– Это с какой еще стати? – взревел Симеон. И выпрямился во весь свой внушительный рост. – Я же рассказал, что там случилось!

Лейтенант отшагнула назад, подхватывая алебарду. Ее сержант стоял рядом, и у него-то алебарда была хотя и без золотых кисточек, зато полноразмерная.

Симеон присмотрелся к длинному ржавому лезвию большой алебарды и плюхнулся назад на скамью. В этой камере – одной из нескольких, предназначенных для содержания буйных пациентов, – они торчали вот уже пять часов. И в течение этого времени дела становились все хуже.

– Дай договорить! – раздраженно сказала лейтенант. – Поскольку ты сознался в проступке против ордена Ашалаэли, решать предстоит храму. Мы передадим тебя поборникам кардинала, вот пусть они и разбираются в твоих бреднях, в том числе и в убийстве либо исчезновении... или что там случилось с магистром Делазаном. Лично у меня нет сомнений, что ты мне тут лепишь наглую ложь, но, по счастью, мне нет нужды в нее и дальше вникать!

Сказав так, она сунула голову в шлем и вышла из камеры. Сержант удалился осторожнее, не спуская глаз с Симеона. Лишь на самом пороге, убедившись, что Симеон по-прежнему вяло сидит на скамье, стражник повернулся к нему спиной и вылетел вон. Дверь бухнула, закрываясь. Лязгнул запор...

Впрочем, через несколько минут дверь снова распахнулась. Симеон привалился к стене и вытянул ноги, всем видом показывая, что не представляет угрозы, невзирая на габариты и рост. Неприятности с поборниками кардинала никому не нужны!

Вошли, однако, отнюдь не кардинальские офицеры. Симеон увидел старого магистра Фокса, декана, занимавшегося в больнице студентами-первокурсниками. Альбиец по рождению, он так давно жил в Сарансе, что его происхождение легко упускалось из виду – за исключением случаев, когда от возбуждения или расстройства он нечаянно переходил на свой родной язык.

Так произошло и сейчас. Фокс пробормотал нечто, чего Симеон не понял. Декан вскидывал и ронял руки, то ли ужасаясь, то ли недоумевая, и дергал свою бороду, длинную, но жидковатую. Сообразив наконец, что происходит, он вернулся к речи Саранса.

– Ты понимаешь, что натворил, МакНил?

– Нет, съёр, – ответил Симеон. – Я всего лишь повиновался магистру Делазану. Вы же нам все время внушаете: «Слушайтесь магистров, слушайтесь беспрекословно!» Вот я и послушался...

– Не наглей! – рявкнул Фокс. – По твоей милости наш госпиталь оказался в поле зрения кардинала, а нам оно надо? Надо это нам, я тебя спрашиваю?

– Мне тоже не надо, – сказал Симеон. – Но честно, магистр, я не...

– Молчать! – взревел Фокс. – Молчать и слушать! И это я тоже вам каждый день говорю! Слушать!

– Так я слушаю, но...

– Слушай! Внимание кардинала нам ни к чему...

– Это вы уже говорили...

– Ни к чему. И мы не станем его привлекать, потому что начиная с данного момента ты больше не наш студент... Нет, не с данного момента – со вчерашнего дня. Я велю немедленно исправить все записи...

– Но как же так! – возмутился Симеон. – Вы не можете! Я студент! У меня и экземпляр договора есть, и родители все оплатили...

– Ты! Не! Студент! – проревел Фокс. – Ты! Не! Наш! Твоим родителям мы все возвратим. А договор будет расторгнут!

– Не можете вы так поступить, – сказал Симеон. – На то и договор в двух экземплярах, для вас и для меня. И с чего бы вам меня исключать? Поборники кардинала меня оправдают. Я лейтенанту стражи всю правду сказал...

– Из-за тебя одни беды! Ума у тебя на двоих, а у Делазана его вообще не было. Вот разом и избавимся от обоих, так оно спокойней... О чем я тут с тобой рассуждаю, когда за мной поддержка всего конклава магистров? Чтоб ноги твоей в больнице больше не было!

– Я тут под арестом сижу, чурбан старый! – вырвалось у Симеона. – Жду, когда за мной от кардинала приедут!

И встал, полный ярости. Этого хватило, чтобы Фокс отскочил к двери. Там он едва не столкнулся с весьма рослой темноволосой женщиной. На лбу шрам, на руках пурпурные перчатки... Она легко отодвинула Фокса в сторонку. Тот что-то пискнул, открыл рот для резкости... и закрыл, а вместо ругани отвесил неуклюжий поклон.

Симеон тоже поклонился. И самой даме, и ее пурпурной форме с золотым шарфом и эмблемой на алой шляпе. Наверняка это высокопоставленный офицер кардинала. И вид у нее грозный. Достаточно посмотреть, как поглаживают рукоять шпаги длинные пальцы, затянутые в алую кожаную перчатку и унизанные кольцами с камнями икон. Симеон нимало не усомнился: если что, длинный клинок будет выхвачен мгновенно – и тотчас воткнется в чье-нибудь сердце. Не говоря уже о паре пистолетов с серебряной насечкой, торчавших за поясом, и всех этих иконах...

– Это вы, капитан Рошфор, – снова кланяясь, сказал Фокс. – Я доктор-магистр Фокс, и я вас заверяю, что сей молодой человек отнюдь, отнюдь, отнюдь не является нашим студентом. Что бы он ни натворил, пусть отвечает сам за себя! Мы решительно ни при чем!

– Мне уже сообщили, – ответила Рошфор. – Однако это утверждение опровергается тем фактом, что он *является* студентом, магистр. Ее высокопреосвященство стремится выяснить правду, а не позабавиться вашими выдумками. Мы желаем, чтобы этот юноша проследовал с нами и изложил свою версию событий, а мы все проверим. И если мы убедимся, что он сказал правду, а я сильно подозреваю, что так оно и окажется... что тогда?

– Что? – воскликнул Фокс. – Вся эта чушь про зверолода и больничных носильщиков с арбалетами... которых никто не нашел, только Делазан вот пропал... По-вашему, это правда?

– Скверно подтертые следы на полу... как там его... старого хранилища представляют собой смесь особой зольной крови чудовища и большой доли человеческой крови, вероятно исторгнутой из несомненно мертвого и, похоже, не сильно оплакиваемого Делазана, – сказала Рошфор. – Она приподняла руку в перчатке, рассматривая одно из иконных колец и более не глядя на Фокса. – Я-то думала, что в больнице, битком набитой докторами-магистрами, это непременно заметят...

Фокс издавал невнятные горловые звуки, его губы дрожали.

Рошфор повернулась к Симеону:

– Идемте, доктор Симеон МакНил. Нам предстоит во всем разобраться, но, полагаю, не далее как завтра к утру вы счастливо вернетесь... ни малейшего ущерба не претерпев.

– Я в этом и не сомневался, – покривил душой Симеон.

Он одернул длинный балахон, вскинул подбородок и последовал за Рошфор вон из камеры. Фокс молча открывал и закрывал рот, не в состоянии высказать все, что ему наверняка хотелось.

У главного входа в больницу дожидалось несколько поборников, но на широкую улицу Королевы Рошфор не пошла. Вместо этого она повела Симеона вдоль больничной стены по дорожке, что спускалась к реке. Поборники последовали за ними.

– Мы разве не к кардиналу во дворец? – спросил Симеон. Дворец, кстати сказать, находился недалеко. Минут двадцать быстрым шагом, если улицы не слишком запружены.

– Нет, – сказала Рошфор. – Нам в Звездную Крепость.

– Ого, – пробормотал Симеон, и в животе вдруг возникла сосущая пустота.

– На самом деле все так, как я и сказала, – добавила Рошфор. – Твоя история выглядит вполне правдоподобной, если учесть все, что нам известно о Делазане и его игорных долгах. Убить его, используя зверолода, – дело весьма необычное, хотя, прямо скажем, не то чтобы совсем небывалое. Обычно в ящик запихивают отверженца, заставляют какого-нибудь ангела воздействовать на него... это возможно, хотя и достаточно трудно... и далее надеются, что в сундуке окажется чудище, а не кучка золы. Дело непростое, дорогостоящее и получается далеко не с первой попытки... но временами благотворное. Слухи уже распространились по местам, где обычно проводил время Делазан... Уверена, множество давних долгов оказалось незамедлительно выплачено. Еще понять бы, какую роль сыграли Ночные Трудяги, переодетые носильщиками... и зачем им понадобилось тебя спасать... Быть может, Делазана сговорились убить сразу двое кредиторов? Один по-простому, другой заумным способом... вот и спелись между собой?

Еще несколько минут они шли молча. Потом свернули с дорожки к больничной пристани – довольно расшатанному деревянному пирсу, выдававшемуся в воды Лейре. Возле него стояла на воде одна из баржей кардинала – длинное, тяжелое судно. По каждому борту сидели двенадцать гребцов в алой одежде. Двое поборников дожидались на пирсе, присматривая за движением судов по реке, и еще двое – на барже.

С ними там, как сразу понял Симеон, находилась заключенная. Рослая бледная женщина с некрасивыми пятнами солнечных ожогов по всему лицу. Одета в бесформенную серую блузу отверженки и уже закованная по рукам и ногам в кандалы. Она тихо сидела на банке и даже головы не повернула, когда Симеон поднялся на борт. Женщина неудержимо притягивала вни-

мание Симеона, особенно цепи, заставлявшие его остро осознавать свое собственное положение. Выглядела она лет на десять старше студента. Чем занималась прежде, в чем ее обвиняли? Оставалось только строить догадки...

– Сядь на другую банку, – распорядилась Рошфор. – Позади заключенной.

При этих словах женщина подняла голову, но не произнесла ни слова.

– Ты – не заключенный, – добавила Рошфор, обращаясь к Симеону. – Просто ценный свидетель. Мы лишь убедимся в истинности твоих показаний, воззвав к Ларквиниэлю либо Переастору. – Она перевела взгляд на узницу, и ее лицо изменилось. Шрам у глаза натянулся, губы скривились. – В отличие от этой отверженки, мягкому допросу не подлежащей... Тебя, Гризельда, ждет каленое железо!

Внезапная угроза, а пуще того упоминание пытки заставили Симеона содрогнуться. Его – но не отверженку: та лишь продолжала угрюмо смотреть на капитана. Рошфор нахмурилась и махнула команде:

– Отчаливаем!

Весла окунулись в воду. Баржа тяжеломерно отвалила от причала, поворачивая направо. Звездная Крепость располагалась выше по течению, вода в реке стояла низко в ожидании осенних дождей, но течение оставалось по-прежнему сильным. Двадцать четыре алые спины размеренно наклонялись и выпрямлялись, длинные весла взлетали в идеальном согласии...

Если бы они еще двигались не в Звездную Крепость, а куда-нибудь в более приятное место, а баржа не принадлежала кардиналу, Симеон получил бы массу удовольствия от после-полуденного плавания по реке. Ему было чуточку жарко в плотном докторском балахоне, но солнечный свет на лице все равно радовал. Все последние месяцы Симеон столько времени проводил в четырех больничных стенах, что успел позабыть, какая это благодать – чистый воздух, теплое солнышко...

Впереди лежал каменистый остров Трех Елей (собственно деревья давно были срублены), который соединялся с берегами посредством сразу двух мостов: Материнского и Дочернего. Шесть пролетов с северной стороны и три с южной. Баржа слегка приняла влево, целясь под самую широкую арку Материнского, наилучшим образом подходившую для крупного судна.

Симеон с интересом наблюдал за маневрами. Прежде он несколько раз попадал к реке, но лишь переправлялся с левого берега на правый, когда мост Королевы – ближайший к госпиталю – бывал слишком запружен и пол-ливра на лодочника уже не казались излишней тратой.

Материнский мост был выстроен из крупных блоков белого камня, его арки достигали по меньшей мере сорока футов в ширину и вздымались над нынешним уровнем Лейре футов на двадцать. При строительстве наверняка использовали помощь ангела, даже, возможно, не одного: точность, с которой были уложены громадные блоки, попросту поражала.

Посередине Материнского моста возвышалась статуя Ашалаэли. Архангел представляла в знакомом облике классически одетой аристократки. Завернувшись в крылья, она держала на руках ребенка, символизировавшего народ Саранса.

С тех пор как здесь установили изваяние, миновал не один век, и дождь с ветром изрядно потрудились над ним. Симеон присмотрелся: ручки младенца стали подозрительно похожи на лапы, а лицо Ашалаэли превратилось в гладкий овал, утратив когда-то высеченные черты. Странно, что за статуей так плохо следили. Ее давно следовало заменить.

Пока Симеон размышлял, уместно ли будет спросить об этом Рошфор, или она может усмотреть в его словах нападки на святое, его взгляду предстала некая фигура в плаще с капюшоном, отделившаяся от густой толпы на мосту. Человек свесился через каменные резные перила, наводя на баржу длинный пистолет. Симеону показалось, будто незнакомец целил прямо в него!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.